

Патрик МОДИАНО ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ

ТЕКСТ

НОБЕЛЕВСКАЯ
ПРЕМИЯ
2014

Патрик МОДИАНО ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ

«Однажды ночью» – книга изысканная, она совершенна. И она не может обойтись без нас. Да и мы тоже – как мы до сих пор обходились без нее?

«Либерасьон»

Это восемнадцатый по счету роман Модиано. Он пишет вот уже тридцать пять лет, и каждая его книга – волшебна, как первый день творения.

«Лир»

Патрик Модиано (р. 1945), нобелевский лауреат 2014 года, в современной литературе занимает уникальное место. Его книги — сдержанные, чуждые пафоса, проникновенные — узнаваемы среди тысяч других. Они безупречны, просты и сложны одновременно. Модиано затрагивает краеугольные вопросы, решить которые пытается каждый из нас.

Герой романа «Однажды ночью» ищет в своей жизни ориентиры и точки опоры, стремится нащупать нить своей судьбы. С автомобильной аварии, в которую он попал однажды ночью, начинается новый отсчет времени, причем как в будущее героя, так и в его прошлое. Блуждая по парижским улицам в поисках девушки, чье лицо мелькнуло перед ним в ту ночь, персонаж Модиано разматывает клубок воспоминаний и пытается сшить разрозненные лоскуты своей жизни.

9 785751 613013

Programme

*Издание осуществлено в рамках
Программ содействия издательскому делу
при поддержке Французского института*

*Cet ouvrage a bénéficié du soutien
des Programmes d'aide à la publication
de l'Institut français*

*Patrick
Modiano*

ACCIDENT NOCTURNE

ÉDITIONS GALLIMARD, 2003

Патрик Модиано

ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ

Роман

*Перевод с французского и предисловие
Людмилы Зиминой*

МОСКВА «ТЕКСТ» 2015

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)
М74

ISBN 978-5-7516-1301-3

© Éditions GALLIMARD, Paris, 2003

© «Текст», издание на русском языке, 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

Патрику Модiano, одному из самых известных французских писателей, в этом году исполняется семьдесят. Модiano вошел в литературу в 1968-м. Вошел блистательно: его роман «Площадь Звезды» получил сразу две национальные премии, в том числе самую престижную — Гонкуровскую. За это время Модiano создал более тридцати романов, последний из которых, «Только бы не потеряться среди улиц», увидел свет в 2014-м, том самом году, когда Патрик Модiano был удостоен Нобелевской премии по литературе — «за искусство памяти и верность теме», как говорится в решении Нобелевского комитета.

Почти все романы Модiano автобиографичны, он словно бы пишет одну и ту же книгу, развертывая повествование во времени и постоянно обращаясь к историческому прошлому и собственным истокам. Во многих его произведениях действие происходит во времена Второй мировой войны в оккупированном гитлеровцами Париже, что подсказано не столько личной памятью и жизненным опытом писателя (ведь он родился в 1945-м), сколько памятью генетической.

Отец Патрика Модiano — выходец из старинного еврейского рода, обосновавшегося в Италии, мать — фламандская актриса; они познакомились в Париже в 1942-м, поженились в 1944-м и расстались в 60-е. В этом смысле фрагмент, в котором герой отвечает на вопросы уличного социологического опроса, вполне точно передает и общую тональность собственной биографии Модiano, и характер судеб и устремлений его героев.

Модiano всегда охотно переводили на иностранные языки, несколько его вещей вышли и на русском («Улица Темных Лавок», «Площадь Звезды», «Вилла Грусть», «Дора Брюдер», «Маленькое чудо», «Горизонт» и другие). После присуждения Нобелевской премии появились их переиздания.

Роман «Однажды ночью» (*Accident nocturne*) пока нашему читателю не известен. А между тем в нем перед нами с большой полнотой предстают характерные черты литературного творчества Модiano — как с содержательной стороны, в плане волнующей его проблематики, так и со стороны художественных приемов, жанровых особенностей письма знаменитого французского автора, ныне — нобелевского лауреата.

В первых главах мы видим завязку так называемого «метафизического детектива» — жанра, по сути, Модiano и созданного. Французское «accident» переводится как *случайность, несчастный случай, происшествие, авария*. Автомобильная авария оборачивается для героя благом, он ищет и находит близкого человека, восстанавливает историю своего детства,

освобождаясь наконец от вечно тяготившего его ощущения бездомности и сиротства. Все внешние родовые признаки детектива налицо: происшествие, розыск виновника (в данном случае — виновницы), блуждания героя в лабиринте кварталов, улиц, бульваров и площадей Парижа в поисках автомобиля и женщины, которая была за рулем. Но в ходе этих поисков совершается нечто куда большее: герой исследует свое прошлое, возвращается к смутным образам детства, пытается прояснить его картину и найти в нем опору. Человек без корней, без памяти о своей личной истории — неполноценен, убежден он. Поиски Жаклин обращают его к отрывочным воспоминаниям детства, заполняя пробелы в памяти и сталкивая с мистическими символами и полукриминальными «парижскими тайнами», которые герой пытается истолковать и разгадать. Герой настойчиво ищет и находит сначала автомобиль, а потом и ту женщину, которая была за рулем и в которой он почти сразу же ощутил родную душу. Почему? На этот вопрос в романе «Однажды ночью», как и в других книгах Модяно, мы, казалось бы, не найдем однозначного ответа. Французские литературные критики нередко говорят, что писатель не очень-то заботится о правдоподобии и мотивировке поступков своих персонажей, изгибов их судеб. Действительно, на первый взгляд калейдоскопические кадры его прозы не складываются в ясную картину, происходящее всегда скоротечно, обрывочно, нередко размыто, порой попросту ирреально, четкость и стереоскопичность второстепенных деталей контрастирует с услов-

ностью основных событий. Кажется, что для Модиано единственно важны лишь чувства, настроения, психологические состояния и ассоциации. Но это только на первый взгляд. Для понимания логики поведения героев, образующего причудливую ткань его произведений, значимы не только и не столько сиюминутные события, сколько исторические и литературные реминисценции, фундаментальные парадигмы новой и новейшей мировой психологической науки.

Пространство прозы Модиано впитало в себя многое: образы классического французского романа, таких знаковых писателей, как Джойс, Пруст, Кафка, Сартр и Камю, эксперименты его современников — создателей жанра «нового романа». Они вдохновляют писателя, порой он им подражает (та же критика давно именует его «французским Марселем Прустом»), нередко полемизирует с ними, а иногда и пародирует их. Последнее более всего относится к стилистике произведений авангардистского «нового романа». Модиано чужда лингвистическая «игра в бисер», его интересуют живые люди. А если вам трудно наглядно представить себе содержание и смысл таких понятий психологии, вошедших в конце XIX — первой половине XX века в мировую науку (а теперь и в общественное сознание вообще) благодаря трудам Фрейда, Юнга, Фромма, как подсознание, коллективное бессознательное, коллективная психологическая травма, или социально-философских категорий исторической и метафизической вины (Ясперс), то никто не объяснит вам этого более наглядно, чем герои Патрика Модиано с их пережи-

ваниями. Это мы видим и в «Однажды ночью». Так, совершенно немотивированным выглядит молниеносно вспыхнувшее чувство героя к Жаклин Бозержан. Жаклин описана скупой, даже внешность ее трудно представить. А объяснение-то, по сути дела, состоит в том, что лицо, голос и манера обращения этой молодой женщины чудесным образом высветили в памяти героя лицо другой женщины, склонившейся над ним когда-то давным-давно — тогда, еще будучи ребенком, он тоже попал в автомобильную аварию. То было почти стершееся из памяти лицо его матери. Символика чисто фрейдовская: идеал любимой женщины восходит к образу матери...

А возьмите отношение героя к отцу. Этот описанный немногими броскими штрихами человек вызывает у него негативные эмоции не только потому, что никогда не был своему сыну настоящим отцом: он явно принадлежит к тем темным личностям, которые провоцируют свои делишки точно так же, как спекулянты черного рынка во времена гитлеровской оккупации. И как же нелепо, думает герой, уходя с последнего — натужного и, в общем, ненужного обоим — свидания с отцом, что тот направляется в сторону форта Монруж. Того самого форта Монруж, у стен которого в годы войны расстреливали бойцов Сопротивления... В войну отец тоже ушел в подполье, жил по фальшивым документам, но занимался-то он тем же, чем и после войны, — сомнительным бизнесом, мелкими спекуляциями... В сознании действующих лиц романов Модigliano живет память о событиях, участниками или

хотя бы свидетелями которых они явно не были, — и это не только славные страницы истории Франции, но и позор «странной» войны, унижение гитлеровской оккупации, язва коллаборационизма...

Сюжеты романов Модиано всегда разворачиваются во времени, чего не скажешь о пространстве. Пространство почти всегда остается неизменным — это Париж. Великий город поистине выступает еще одним действующим лицом любой из вещей Модиано. Здесь начинаются и сюда возвращаются все дороги. Так и в романе «Однажды ночью». Блуждания героя по городу очерчивают странствие в глубь собственной жизни и памяти. Здесь Париж — именно его Париж, и это отнюдь не «праздник, который всегда с тобой». Его бульвары, площади, улицы и переулки зачастую почти безлюдны и темноваты, освещены тусклыми фонарями затрапезных ночных баров и кафе, они таят в себе какую-то невыразимую печаль и неясную угрозу, скрытую опасность. Таков у Модиано Париж времен гитлеровской оккупации и послевоенный, в котором разворачивается действие многих его романов, но таков и современный ему Париж в «Однажды ночью». Всегда ведь была какая-нибудь война, замечает герой, вспоминая одно из впечатлений своей нескладной жизни, — только ту войну называли «алжирской»... Он, скорее, привычно, нежели болезненно, ощущает свое одиночество, разъединенность с другими людьми, разорванность и холод бытия, о которых писатель с горечью говорит в своих редких интервью и пишет в своих многочисленных романах. «Однажды ночью» —

если и детектив, то детектив действительно метафизический, философский. Автора и героя увлекает поиск, но это, прежде всего, поиск смысла жизни.

Проза Модиано поэтична, музыкальна, импрессионистична и — кинематографична, недаром многие его романы экранизированы, а сам он в свое время был членом жюри Каннского кинофестиваля. Голос писателя негромок, лишен пафоса, но всегда узнаваем. Во Франции его называют признанным мастером, классиком современной французской литературы. Он лауреат всевозможных премий — Гран-при (Большая премия) Французской академии, Гонкуровской и других, менее значимых. Первой реакцией Модиано на присуждение ему Нобелевской премии были слова: «Это очень странно», и лишь потом новый лауреат сказал, что очень счастлив. А что же тут странного? Ведь романы Модиано (они невелики по объему, но, напомним, их уже более тридцати) — это целый мир, созданный силой творческого воображения и писательского дара. Реальный мир не очень-то добр к человеку, но автор, как и его переходящий из одного произведения в другое герой, неизменно ищет человеческого участия и единения с другими людьми, добра и справедливости, тепла, сочувствия и любви. Модиано сторонится политики, он никогда не был участником каких-либо общественных движений или «подписантом» коллективных писем и деклараций. Политика — не дело литератора, писатель, вовлеченный в политическую деятельность, непременно почувствует себя обманутым, утверждал он в одном из своих интервью прес-

се. Модiano откровенно не любит революций, но не потому, что он такой уж консерватор, тем более реакционер. Просто, как говорит о себе герой «Однажды ночью», он ощущает в своей душе огромный запас терпения и убежден в огромных возможностях личной человечности, упорного поиска и созидания добра, а здесь потенциал литературы ни с чем не сравним и поистине неисчерпаем.

Л.Зими́на
Екатеринбург, 15 мая 2015 г.

Это случилось давно, незадолго до моего совершеннолетия*. Глубокой ночью я переходил площадь Пирамид по направлению к площади Конкорд, как вдруг откуда-то из темноты возник автомобиль. Первая мысль: чудом не задело! И в то же мгновение острая боль пронзает ногу от лодыжки до колена. Падаю на тротуар, но удается сразу же подняться. Машину заносит, и под звон бьющегося стекла она врезается в одну из аркад площади. Открывается дверца, из авто нетвердой походкой выходит женщина. Здесь же, почти рядом, вход в отель. Из-под арки кто-то появляется и препровождает нас в холл. Мы — эта дама и я — садимся на красный кожаный диванчик и ждем, пока этот «кто-то» звонит по телефону у стойки администратора. У женщины серьезные ссадины на щеке и на лбу, они кровоточат. В холл входит здоровенный брюнет с очень короткой стрижкой, направляется к нам, и все мы выходим на улицу. Там уже стоит другой автомобиль, двер-

* Во Франции это — 21 год. (*Здесь и далее примеч. перев.*)

цы его распахнуты, и те, кто внутри, что-то пишут — похоже, составляют протокол. Это полицейский автомобиль! Нас сажают туда, и в этот момент я замечаю, что на левой ноге у меня отсутствует ботинок. Мы с женщиной усаживаемся рядом на деревянной скамье. Толстяк занимает другую, напротив. Он курит и время от времени бросает на нас пронизывающие взгляды. Окно забрано железной решеткой, но через стекло видно, что мы едем в сторону набережной Тюильри. У меня не было времени, чтобы подобрать ботинок, и почему-то подумалось: бедный, так и останется там и будет лежать всю ночь — один, посреди тротуара... Ловлю себя на том, что уже не очень ясно понимаю, к чему относится эта жалость — то ли к моей обуви, то ли к одной собаке, которую я потерял когда-то в детстве. У меня был пес, и его переехал автомобиль. Мы жили тогда на окраине Парижа, на улице Доктор-Кюрзен. Мысли мои как-то путаются... Может, падая, я ударился головой? Смотрю на женщину. Странно: на ней меховое манто. Да, вспоминаю я, ведь сейчас зима. Вот и человек, сидящий напротив, тоже в пальто. И я сам в поношенной канадке — из тех, что покупают на блошином рынке. А ее манто... Оно явно приобретено не на блошином рынке. Норка? Соболь? И вид у нее весьма ухоженный, это резко контрастирует с ранами на лице. На своей канадке, чуть выше карманов, замечаю кровь. Оказывается,

у меня еще большая ссадина на левой ладони и пятна крови на куртке — это, должно быть, оттуда. Женщина сидела прямо, чуть склонив голову, как будто что-то разглядывала на полу. Наверное, мою ногу без обуви. Волосы у нее довольно длинные, в тусклом свете холла она кажется мне блондинкой.

Полицейский автомобиль останавливается перед красным сигналом светофора. Это набережная, примерно на уровне Сен-Жермен-л'Оксеруа. Толстяк продолжает наблюдать за нами, молча переводя ледяной взгляд с меня на женщину. Я уже начинаю чувствовать себя в чем-то виноватым. Зеленый все не загорается. На углу набережной и площади Сен-Жермен-л'Оксеруа еще светятся окна. Это кафе — мой отец часто назначал мне там свидания. А потом исчез. Может, стоит попросить этого типа отпустить нас? Но чувствую, что неспособен сейчас произнести ни слова. Тип кашляет надсадным кашлем застарелого курильщика, и меня удивляет, что я слышу этот звук. После происшествия вокруг воцарилась непроницаемая тишина, как если бы я полностью утратил слух. Мы катим по набережной, и в тот момент, когда автомобиль въехал на мост, я почувствовал, как ее ладонь слегка сжала мою руку. Она улыбнулась, словно хотела меня успокоить. Но я и не испытываю никакого страха. Мне даже кажется, что я и она — мы где-то уже были вместе, но при других обстоятельствах. И на ее губах была вот эта самая

улыбка. Где же я мог раньше ее видеть? Она напоминает кого-то, кого я знал давно. Человек напротив нас спит, голова у него свесилась на грудь. Она все сильнее сжимает мою руку... А вдруг на выходе нас пристегнут друг к другу наручниками?

За мостом машина обогнула крытую стоянку, и мы остановились возле неотложки центральной больницы. Нас усадили в зале ожидания. И по-прежнему в компании этого человека. Я спрашивал себя: кто же он такой? Полицейский, которому поручили нас стеречь? Но зачем? Очень хотелось задать ему вопрос, но я наперед знал, что он меня не услышит. Отныне у меня БЕЛЫЙ ГОЛОС. Эти два слова пришли мне на ум из-за слишком резкого света, заливавшего зал ожидания. Мы сидели на скамье возле регистратуры. Толстяк заговорил с одной из служащих за стойкой. Я старался держаться поближе к незнакомке, так что в какой-то момент наши плечи соприкоснулись. А тот уселся чуть поодаль, на самом краю скамьи. Рыжий парень в кожаном пиджаке, но в пижамных брюках и шлепанцах на босу ногу расхаживал по холлу, время от времени заговаривая с женщинами и упрекая их в том, что они не проявляют к нему никакого интереса. Проходя мимо нас, он всякий раз старался перехватить мой взгляд. Но я отводил глаза, опасаясь, что он и со мной заговорит. Одна из женщин вышла из-за стойки, подошла к нему и слегка подтолкнула его к выходу. Но он тут

же вернулся, издав при этом протяжный жалобный вой — так скулит собака, почуяв покойника... Время от времени какие-то люди — и мужчины, и женщины — в сопровождении охранников быстро проходили по залу и скрывались в конце видного с нашей скамьи коридора. Кто эти люди? Куда может вести этот коридор? А если и нас с ней тоже сейчас туда отправят? Вдруг зал ожидания пересекла стайка женщин в окружении нескольких ажанов. Я понял, что они, видимо, только вышли из полицейского «воронка», такого же, как и тот, что нас сюда доставил. Их меховые манто выглядели не менее элегантными, чем у моей соседки, и вид эти женщины имели тоже весьма ухоженный. Никаких явных повреждений не заметно, но на запястьях у каждой — наручники.

Толстый брюнет подал знак подняться и przeprowadил нас в глубину зала. Мне было не очень-то удобно идти в одном ботинке, но я решил, что нужно просто больше опираться на другую ногу. А в той, без обуви, я все время ощущал довольно сильную боль в колене. Сопровождаемые медсестрой, мы вошли в небольшую комнату, где стояли две раскладные койки. Когда мы улеглись на них, вошел молодой человек в белом халате. Бросилась в глаза его окладистая борода. Он заглянул в карточку и попросил мою спутницу назвать свое имя.

«Жаклин Бозержан», — ответила она. То же самое он спросил и у меня, бросив быстрый взгляд

на мою ступню — ту, что без обуви. Потом, закатав брючину до самого колена, осмотрел всю ногу. А женщине медсестра помогла снять мантию, и он ватным тампоном промокнул ей раны на лице. После этого они ушли, оставив зажженным ночник на стене. Дверь была широко открыта, и в освещенном коридоре я видел, как тот, другой, все ходил и ходил там, возникая в дверном проеме с ритмичностью метронома. Она лежала на своей койке рядом со мной, накрытая, как одеялом, своим мантием. Между койками не было места даже для ночного столика. Протянув ко мне руку, она снова слегка сжала мою ладонь. Я вспомнил наручники, которые были на тех женщинах, которых мы только что видели, и снова подумал, как бы все не кончилось тем, что и на нас их тоже наденут. А в коридоре все ходили и ходили. Кто-то негромко разговаривал с медсестрой. Потом та снова вошла в комнату в сопровождении молодого человека с окладистой бородой. Они включили полное освещение и подошли к моему изголовью. Я посмотрел в сторону соседки и заметил, как под мехом вздрогнули ее плечи, словно она хотела дать мне понять, что мы попали в ловушку и нам отсюда больше не выйти... В проеме двери неподвижно, не сводя с нас глаз, стоял толстый брюнет: ноги слегка расставлены, руки скрещены на груди... Несомненно, попытайся мы выйти из комнаты, он готов в любую минуту преградить

нам дорогу. Она снова улыбнулась мне все той же чуть насмешливой улыбкой, которую я поймал еще раньше, в полицейском «воронке». Не знаю почему, но эта улыбка очень тронула меня. Бородатый тип в белом халате наклонился и с помощью медсестры наложил мне на переносицу нечто вроде большого черного намордника. Резкий запах эфира стал последним, что я почувствовал, прежде чем потерять сознание.

Время от времени силюсь открыть глаза, но снова впадаю в какой-то полусон. Потом смутно припоминаю: со мной что-то случилось... Кажется, авария? И та женщина... Мне захотелось повернуться и удостовериться, что она все еще занимает другую кровать, рядом. Сил не хватило даже на малейшее движение, и тем не менее эта неподвижность почему-то доставляла мне ощущение тихого блаженства. А, большой черный намордник, припомнил я... Конечно, в такое состояние меня погрузил эфир. словно лежишь на спине и отдаешься течению реки, плавно уносящей тебя неведомо куда. И вдруг прямо передо мной с четкостью большой антропометрической фотографии возникло ее лицо: правильные дуги бровей, светлые глаза, золотистые волосы и даже раны на лбу и на щеке. Из полусна выплыл толстяк брюнет: это он держал передо мной фото, спрашивая, знакомо ли мне данное лицо. Меня удивил металлический звук его голоса: монотонно, точно говорящие часы, он повторял одно и то же: знакомо ли вам это лицо? Пристально всмотревшись, я сказал себе: да, это «лицо» мне знакомо. Или когда-то я

встречался с кем-нибудь похожим... Боли в левой ноге уже не чувствовалось. В тот вечер на мне были старые мокасины с рифлеными подошвами и очень жестким верхом: я даже немножко рассек кожу ножницами, потому что они очень жали в подъеме. Тут я снова подумал о мокасине, оставленном посреди тротуара. И тотчас, как после шока в ночь аварии, ко мне вернулось воспоминание о собаке из моего детства, которую давно задавили. Мне явственно представилась улица перед домом — она шла под уклон, и пес нередко убегал, чтобы погонять где-то там, внизу. Я всегда побаивался, как бы он не заплутал, и звал его, распахивая окно своей комнаты. Это случалось чаще всего по вечерам, и каждый раз собака неспешно поднималась по улице к дому. Но почему эта женщина ассоциировалась с тем домом, где я провел некоторую часть моего детства?

Я снова услышал, как тот, другой, спрашивает меня: «Знакомо ли вам это лицо?» Но звук понизился, голос становился все тише и тише и под конец превратился уже в шепот, как будто мне говорили это на ухо. А я все плыл и плыл на спине, сливаясь с течением реки... Может, то была одна из тех речек, по берегам которых я так любил прогуливаться с моей собакой? Постепенно в памяти медленно, одно за другим всплывали какие-то женские лица, и я сравнивал их с фотографией. Да, точно: ее комната была на первом этаже —

последняя по коридору. Та же улыбка, те же светлые волосы, только тогда они были чуть длиннее. А левую щеку бороздил шрам... И внезапно меня осенило: вот почему в полицейском фургоне мне показалось, что я ее знаю! Конечно, все дело в ссадинах, они-то и напомнили тот шрам, только тогда я не отдавал себе в этом отчета. Если бы я мог собраться с силами и повернуться на другой бок, в ту сторону, где, вытянувшись на другой койке, лежит она, я мог бы одним движением руки коснуться ее плеча, чтобы разбудить. Она, наверное, по-прежнему дремлет там, клубочком свернувшись под своим меховым манто. Я бы задал ей все те вопросы, что роятся сейчас у меня в голове. И наконец доподлинно узнал бы, кто же она такая.

Но я почти ничего не видел. Только белый потолок и окно прямо перед собой. Вернее, застекленный проем, в правой стороне которого чуть покачивалась ветка дерева. И голубело за стеклом небо — оно было такой ослепительной голубизны, что я сразу представил себе, какой прекрасный зимний день стоит там, за окном. Мне показалось, что я где-то высоко, в горнолыжном отеле, и если смогу встать и подойти к окну, то увижу, что оно выходит на заснеженное поле и там, наверное, берет начало лыжня. И вот я уже не течению реки отдаюсь, а скольжу по снегу: плавный спуск, которому нет конца, и воздух, которым дышишь, свеж, словно эфир.

Комната показалась мне куда больше той, которую я видел вчера вечером в больнице. Там в стене отсутствовал не то что застекленный проем, а даже и самое крошечное оконце, как в похожей на камеру комнатухе, куда нас привели из приемной. Я повернул голову. Ни другой раскладушки, и ни души, кроме меня. Наверное, ей отвели соседнюю комнату, и скоро я все узнаю. Напрасно я опасался, как бы толстяк брюнет не приковал нас друг к другу наручниками. Он, без сомненья, не полицейский, как я предположил, и нам не в чем его упрекнуть, раз он так позаботился о нас. Пусть задает любые вопросы, какие захочет, и пусть это длится сколь угодно долго — я больше не чувствую за собой никакой вины. ...Опять скольжу по белому снегу, и морозный воздух возбуждает во мне легкую эйфорию. Нет, вчерашняя ночная авария вовсе не случайна. Это — перелом. Это — благодетельный удар, и он случился как раз вовремя, он позволит мне заново начать жизнь!

Слева от меня — дверь, чуть подальше — небольшой ночной столик из дерева, выкрашенного белой эмалью. На нем лежат мой бумажник и паспорт. На металлическом стуле у стены я вижу свою одежду, а на полу — мой мокасин, в единственном числе. За дверью слышны звуки — там тихо, вполголоса, разговаривают мужчина и женщина. Никакого желания вставать. Пусть бы это блаженное отдохновение длилось как можно

дольше. Но неужели я все еще в городской больнице? Впечатление такое, что нет: слишком уж здесь тихо, даже чуть слышные за дверью голоса тоже как-то умиротворяют. И еще эта колеблющаяся в переплете оконной рамы ветка... Так или иначе в положенное время кто-нибудь да зайдет ко мне и все объяснится. Удивительно, но я не испытываю никакой тревоги — это я-то, с моей вечной настороженностью... Может, я обязан этим внезапным умиротворением эфиру, который мне дали прошлой ночью, или действию какого-нибудь другого болеутоляющего снадобья?

Не знаю, но только чувствую, что той тяжести, которая вечно давила на меня, больше не существует. В первый раз в жизни мне легко, я ничем не озабочен, и это-то и есть моя подлинная натура. Голубое небо за окном вызывает в памяти еще одно слово — ЭНГАДИН. Энгадин... Энгадин... Энгадин! Мне всегда не хватало кислорода, и вот этой ночью какой-то чудесный доктор осмотрел меня и понял, что пациента нужно срочно отправить в Энгадин.

Я слышу разговор за дверью, и присутствие двух этих невидимых и незнакомых людей меня успокаивает. Может, они для того и остались здесь, чтобы позаботиться обо мне? И вдруг из тьмы снова возникает автомобиль, врывается в ограждение, и меня снова осыпает осколками. Открывается дверца, и, пошатываясь, выходит она. В тот момент, когда

она сжала мою ладонь, — еще там, в полицейской машине, и потом, когда мы уселись на диванчике в холле отеля, я подумал, что она не вполне трезва. Банальное происшествие, из тех, о которых в комиссариате полиции обычно пишут: «такое-то лицо, находясь за рулем в нетрезвом состоянии...» Но сейчас я был абсолютно уверен, что речь идет о другом. Похоже, кто-то оберегал меня и делал это, стараясь не раскрыть себя. Или случай поставил его на моем пути, чтобы меня защитить. Та ночь ускорила события. Мне угрожала какая-то опасность, и нужно было спасти меня или, по крайней мере, послать предупредительный знак. В памяти всплыла еще одна картина, и, без сомнения, она тоже связана со словом ЭНГАДИН. Именно там несколько лет назад мне довелось видеть, как один лыжник стремительно скатился с очень крутого склона и врезался в стену шале. Он сломал ногу — явно намеренно, чтобы его не отправили на войну. Ту, что называли «алжирской». Так парень хотел спасти свою жизнь. А я — у меня, похоже, даже и нога не сломана. Это благодаря ей я легко отделался. Шок был необходим. Он заставляет задуматься: чем же была до сих пор моя жизнь? Я должен просто благодарить судьбу за то, что «попал в катастрофу» — я слышал, как это выражение употребляли в мой адрес те люди, вчера.

Взгляд мой снова упал на мокасина под стулом, тот самый жесткий мокасин, который я для

удобства надрезал посередине. Вот, наверное, они удивились при виде такой обуви, когда поднимали меня, чтобы уложить на эту кровать! И все-таки были настолько любезны, что положили мокасин рядом с моей одеждой и дали вот эту пижаму, которая теперь на мне, — голубую, в белую полоску. Откуда такая заботливость? Это, конечно, все она — разумеется, она их попросила. Я не мог оторвать взгляда от своего мокасина. Потом, когда моя жизнь пойдет по-новому, нужно сделать так, чтобы он всегда был перед глазами, на самом видном месте. Например, можно поставить его на камин или положить в стеклянную шкатулку — как напоминание о прошлом. А если кто-то полюбопытствует, за что ему такая честь, я объясню, что шкатулка — единственная вещь, которая досталась мне от родителей... Да, и еще: когда я углублялся в детские воспоминания, то всегда видел себя разгуливающим в одном ботинке. Мне стало безумно смешно, я беззвучно рассмеялся, закрыл глаза, и меня снова накрыл сон.

Разбудила меня медсестра — принесла завтрак на подносе. Поинтересовавшись, где же все-таки нахожусь, я заметил, что она, как мне показалось, удивилась моему неведению, и сообщила, что мы в клинике Мирабо. На мой вопрос об адресе этого заведения она не ответила, а только недоверчиво улыбнулась. Наверное, подумала, что над ней подшучивают... Потом достала из кармана халата карточку и, заглянув в нее, сообщила, что мне следует «освободить место». Я снова поинтересовался, что же это за клиника. Меня все еще покачивало, как это было и во сне. Я казался себе пленником некоего таинственного судна в открытом море, и мне не терпелось вновь ощутить под ногами земную твердь. Клиника Мирабо, улица Нарцисс-Диаз, сказала медсестра. Я не решился переспросить, в каком это районе. Возле городской больницы? Всем своим видом она дала понять, что очень спешит, и закрыла дверь, не удостоив дальнейшими подробностями. На лодыжке, колене, запястье и на руке у меня белели повязки. Левая нога не сгибалась, но мне все же удалось

натянуть одежду. Надел я и свой единственный мокасин, утешая себя тем, что идти по улице будет, конечно, довольно трудно, но если остановка автобуса или метро где-нибудь поблизости, то я быстро доберусь к себе. А потом решил снова вытянуться на постели. Чувство удовольствия все еще не покидало меня. Интересно, долго ли это продлится? Я опасался, как бы оно не исчезло, стоит лишь выйти за порог клиники. Созерцая голубое небо в обрамлении окна, я снова уверял себя, что меня привезли в горы. Но подойти к окну не решался, опасаясь разочарования. Хотелось подольше сохранить иллюзию, будто эта клиника Мирабо расположена на территории зимнего горнолыжного курорта Энгадин. Дверь открылась, и передо мной вновь появилась медсестра. Ни слова не говоря, она положила на ночной столик пластиковый пакет, и исчезла, словно подхваченная порывом ветра. В пакете оказался потерянный мокасин. Надо же! Они не поленились отыскать его там, на тротуаре. А может быть, это она их попросила? Такое внимание к моей персоне удивительно. Теперь-то уже ничто не мешает мне «освободить место», как выразилась сестра. Да мне и самому захотелось выйти на свежий воздух. Немного прихрамывая и держась за перила, я спускался по центральной лестнице. Внизу, в холле, виднелась открытая створка стеклянной двери, и я уже собрался было выйти, как заметил

толстого брюнета, сидевшего на скамье. Подал мне знак рукой, он поднялся и проследовал за мной к регистратуре. На нем было то же самое пальто, что и в ту ночь. Женщина за стойкой спросила мое имя. Тотдержался рядом, словно задавшись целью не упустить ни одного моего жеста. Захотелось поскорее от него отделаться. Как можно скорее! Даже не на улице, а прямо здесь, в холле. Женщина вручила мне запечатанный конверт — на нем стояло мое имя, потом дала подписать пропуск и протянула другой конверт, с грифом клиники в верхнем углу. Я спросил, должен ли я что-то заплатить, но она ответила, что вопрос урегулирован. Кем? У меня, во всяком случае, не имелось при себе достаточной суммы денег. И в тот момент, когда я уже было направился к выходу, толстый брюнет попросил меня присесть рядом с ним на скамью. И слегка улыбнулся — я подумал даже, что этот тип, возможно, не так уж и враждебно настроен. Он подал мне два листка папиросной бумаги с машинописным текстом. Протокол — я помню, именно так он сказал, протокол об аварии.

— Вы должны это подписать, — произнес он, достав из кармана пальто ручку и любезно сняв с нее колпачок. И добавил, что я могу прочитать текст, прежде чем подписывать. Но мне не терпелось быстрее оказаться на свежем воздухе, и я сразу поставил свою подпись на первом листке.

Второй можно и не подписывать: это дубликат для меня. Сложив бумагу, я сунул ее в карман канадки и поднялся.

Тот пошел следом за мной. Уж не хочет ли он снова пригласить меня в «воронок», а там вдруг окажется она — сидит себе на том же месте, что и прошлой ночью? На маленькой улочке, сбегающей к набережной, никого не было, и стоял только один автомобиль. Толстяк держался властно, как-то слишком уж по-хозяйски, и я про себя подыскивал слова, с тем чтобы поскорее откланяться. Если просто повернуться и уйти, он может счесть мое поведение подозрительным и, чего доброго, еще отправится за мной. Не найдя ничего лучшего, я спросил его, кто та женщина. Он пожал плечами и буркнул, что я все узнаю из протокола, но и для меня, и для всех будет лучше, если я забуду об этом происшествии. Он, со своей стороны, считает «дело закрытым», искренне надеясь, что и я полагаю точно так же. Остановившись возле автомобиля, он холодно поинтересовался, достаточно ли хорошо я себя чувствую, чтобы идти пешком, и если я пожелаю, то может «доставить» меня куда-нибудь. Я, разумеется, ответил, что не стоит труда. Тогда, не попрощавшись, он уселся рядом с шофером, оглушительно хлопнул дверцей, и автомобиль направился в сторону набережной.

Стоял теплый, пронизанный солнцем зимний день. Ощущение времени я совершенно утратил. Наверное, было где-то около полудня или чуть позже. Слегка давала о себе знать левая нога. Тротуар сплошь покрывала опавшая листва, и мне почудилось, что я вот-вот выйду на лесную аллею. Слово «Энгадин» у меня в голове уже не звучало — там ведь еще теплее, это же в глубине Солони... Я вскрыл конверт. В нем — пачка банковских билетов и ни малейшего объяснения, ни единого слова. Что за деньги? Может, она заметила мою выдающуюся канадку и единственный мокасин? До этих разрезанных мокасин у меня была пара башмаков со шнурками, на пробковой подошве, я ходил в них все лето. А свою старую канадку ношу уже, по крайней мере, третью зиму. Я достал из кармана ту бумагу, что подписал в больнице. Протокол, вернее, краткое описание аварии. Это не был бланк с обозначением такого-то отделения полиции или официальный формуляр какого-нибудь учреждения. «...Ночью...автомобиль марки “фиат” цвета морской волны...зарегистрированный... следо-

вавший со стороны парка Карусель... по направлению к площади Пирамид ... Будучи оба доставлены в холл отеля "Регина"... Неотложная служба центральной городской больницы... повязки на ногу и руку...» И никакого упоминания о клинике Мирабо. Когда и как меня туда перевезли? В бумаге фигурировали мои имя и фамилия, а также дата рождения и прежний адрес. Все эти сведения они, конечно, нашли в моем старом паспорте. Ее имя и фамилия тоже упоминались: Жаклин Бозержан. Значился и адрес — бульвар Альбони, только номер дома они забыли проставить. И эти деньги... Никогда мне не приходилось держать в руках столь значительной суммы. Я предпочел бы увидеть хоть слово от нее, но после аварии она, разумеется, была не в состоянии писать. Наверняка всем занимался толстый брюнет. Ее муж, вероятно. Но в какой именно момент он возник? В автомобиле она была одна. Он присоединился к нам позже, когда мы ждали, сидя рядом на диванчике в холле гостиницы. Разумеется, они желали как-то компенсировать причиненные травмы и чувствовали себя виноватыми при мысли, что последствия аварии могли быть куда более серьезными. Буду рад их успокоить: не стоит волноваться. В конверте с грифом клиники оказалось назначение с подписью «доктор Бессон». Мне предписывалось регулярно менять наложенные повязки. Я еще раз пересчитал банковские билеты. Такая сумма надолго избавит

меня от каких бы то ни было материальных проблем. Припомнились последние встречи с отцом — мне тогда было лет семнадцать. Ни разу я не осмелился попросить у него хотя бы немного денег. Жизнь уже развела нас, мы ограничивались лишь периодическими встречами где-нибудь в кафе, рано утром, когда еще не вполне рассвело. От свидания к свиданию лацканы его костюмов выглядели все более потертыми, а кафе каждый раз оказывалось все дальше и дальше от центра. Я силился припомнить, не назначал ли он мне, случайно, встречу в этом квартале, по которому я сейчас бреду. Я достал из кармана подписанный мною «протокол». Она живет на бульваре Альбони. Знакомое место, мне не раз случалось спускаться оттуда к ближайшей станции метро. Неважно, что у меня нет номера дома. Есть имя: Жаклин Бозержан, и я непременно все выясню! Бульвар Альбони немного дальше, по берегу Сены. Я сейчас нахожусь в ее квартале. Вот почему они отвезли меня в клинику Мирабо! Она, несомненно, знала это заведение, и инициатива исходила именно от нее. А может, кто-то из ее окружения разыскал нас в центральной больнице. Или в «скорой»... Я был уверен, что в первом же таксофоне обнаружу телефонную книгу или узнаю ее номер через справочную службу. Но не будем спешить. У меня в запасе масса времени, чтобы узнать точный адрес и нанести ей визит. Это так естественно с моей стороны, она не будет шоки-

рована. Я ни за что не позвонил бы в дверь людям, с которыми не знаком, но в данном случае... Есть некоторые детали, на которые следует пролить свет. Не является ли пачка купюр в конверте без единого слова милостыней, которую бросают нищему? Банальная история: ночью сбивают кого-то автомобилем, а потом дают бедолаге немножко денег, если покалечили. Прежде всего, я не хочу их денег. Всю жизнь я ни на кого не рассчитывал, и сейчас более чем уверен, что ни в ком не нуждаюсь. Родители никогда мне не помогали, а те редкие свидания, которые отец назначал мне в кафе, всегда заканчивались одинаково: мы вставали, обменивались рукопожатием и расходились в разные стороны. И всякий раз у меня не хватало смелости попросить у него хотя бы немного денег. Особенно в последние годы, когда наши встречи происходили у Орлеанских ворот — тогда он совсем уже утратил живость и известное обаяние, еще сохранявшиеся во времена свиданий на Елисейских Полях. А однажды я заметил, что на его плаще цвета морской волны недостает нескольких пуговиц... Нужно будет пройти по набережной до бульвара Альбони, и в каждом доме спрашивать консьержку, на каком этаже живет Жаклин Бозержан. Там не должно быть много номеров. Я вспомнил, как она сжала мне ладонь, а ее чуть лукавая улыбка как бы посылала сигнал: мы ведь с тобой понимаем друг друга, не правда ли? Нет, лучше сначала позвонить. И не стоит торопить событий. Я вновь испытал то

странное ощущение, которое возникло у меня в полицейском «воронке» по дороге в центральную больницу: это «мой» человек, я уже где-то видел это лицо. Прежде чем узнавать номер телефона, нужно сделать усилие и напрячь память. В те времена все представлялось простым: у меня ведь еще не было за плечами большей части моей жизни. Достаточно лишь вернуться на несколько лет назад. Кто знает? Быть может, некая Жаклин Бозержан или та же самая женщина, только под другим именем, уже встречалась на моем пути. От кого-то я слышал, что теория вероятностей допускает большое, но не безграничное число встреч. Возвращаются одни и те же лица, повторяются одни и те же ситуации. Как в калейдоскопе: игра зеркал создает иллюзию бесконечного числа узоров, но создаются-то они несколькими осколками цветного стекла, и в действительности набор комбинаций ограничен. Да, где-то я такое читал... Или доктор Бувьер нам это объяснял однажды вечером, в кафе. Но мне трудно надолго сосредоточиться на подобных вопросах, у меня не философский склад ума. Внезапно я почувствовал усталость и ощутил острое желание, не пересекая мост Гренель, остаться на левом берегу и, отправившись метро или автобусом на улицу Вуа-Верт, очутиться в своей комнате. Вот только еще немного погуляю: нужно привыкать ходить с повязками на ноге. Здесь, в квартале Жаклин Бозержан, я так хорошо себя чувствую! Мне даже показалось, что здесь легче дышится.

До аварии я около года жил в гостинице у Орлеанских ворот, на улице Вуа-Верт. Позже этот период жизни забылся, или припоминались только какие-то внешние, незначительные детали. Например, там был мужчина, с которым мы часто сталкивались по вечерам, часов около шести: судя по всему, он возвращался с работы. У меня не осталось о нем никаких воспоминаний, кроме его черного портфеля и неспешной походки. Однажды вечером в большом кафе мы разговорились с соседом по столику. Я подумал, что он, наверное, студент, но, как выяснилось, тот работал в туристическом агентстве. Это был мальгаш, и карточку с его именем и номером телефона я обнаружил как-то среди старых бумаг, от которых решил избавиться. Звали его Кац-Крейцер. И больше я ничего о нем не знаю. Никаких других подробностей... Все это были люди, мельком встречаясь с которыми, мы едва обменивались взглядами, и они так и остались для меня загадкой. И некоторые места — тоже. Например, ресторанчик в конце улицы Фош, слева, где мы ино-

гда обедали с отцом — потом, много лет спустя, случайно попав в тот квартал, я тщетно пытался отыскать это заведение. Может, кое-что мне просто приснилось? Или вообще то были мои фантазии? Сельские домики, принадлежавшие людям, чьих имен я не помнил, а сами деревушки ни за что не смог бы указать на карте. Некая Эвелин — мы познакомились в ночном поезде ... Однажды я даже принялся составлять список — с приблизительными датами — всех этих полузабытых лиц, потерянных мест и заброшенных проектов. Как-то, например, я решил записаться на медицинский факультет, но решение так и осталось нереализованным. Я перебирал в памяти то, что не имело продолжения, так и оставшись незавершенным. Куда оно кануло, почему я отступал? Эти вопросы все неотвязнее вставали передо мной. Видимо, приходит тот возраст, когда люди постепенно начинают размышлять над собственной жизнью...

Я силился воспроизвести в памяти цвета и сам облик того времени, когда я жил возле Орлеанских ворот. Серые и черные тона, атмосфера, которая теперь, задним числом, представляется мне удручающей. Какие-то нескончаемые осень и зима. Кафе «Ротонда»... Я очутился там случайно? Или отец назначил здесь нашу последнюю встречу? Что-нибудь около семи утра, «Ротонда» у подножия кирпичных домов, которые образуют целые кварталы и очерчивают границы Парижа. А даль-

ше — Монруж и новый, недавно отстроенный район. Нам нечего особенно сказать друг другу, и я почему-то предчувствую, что больше мы уже не увидимся. Мы поднялись и, даже не пожав друг другу руки, вместе вышли из «Ротонды». Я немного удивился, увидев, как его фигура все в том же привычном плаще цвета морской волны движется по направлению к этому удаленному от центра району. Подумалось еще, в каком же предместье затеряются его следы? Да, сегодня я поражен совпадением: ведь одно время я жил в том самом квартале, где мы с отцом встречались последние несколько раз. Но в тот момент это совершенно не приходило мне в голову. Совсем другое занимало меня.

Доктор Бувьер тоже был одним из исчезнувших лиц того времени. Жив ли он еще? Может быть, сменив имя, нашел себе новых последователей в каком-нибудь провинциальном городке? Вчера вечером воспоминание об этом человеке вызвало у меня нервный смех, который я с трудом подавил. Существовал ли он на самом деле? Не был ли то мираж, порожденный недосыпанием, привычкой есть на ходу и употреблять разные скверные снадобья? Да нет. Слишком многие детали, слишком многие зарубки в памяти доказывали, что доктор Бувьер действительно присутствовал в том периоде моей жизни, собирая своих приверженцев то в одном, то в другом кафе Четырнадцатого округа.

Наши пути пересеклись за несколько месяцев до аварии. Должен признаться, что в больнице в тот самый момент, когда мне накладывали на лицо черный намордник, чтобы дать эфир и усыпить, я вспомнил Бувьера — именно потому, что все называли его «доктором». Не знаю, чем это объяснялось — была ли у него ученая степень или такое обращение свидетельствовало о профессии

медика. Думаю, Бувьер просто играл на этой неопределенности, чтобы убедительнее дать понять окружающим, сколь обширную область, включая и медицину, охватывает его «учение».

Он тогда устраивал свои собрания в районе Монпарнас, но я-то впервые увидел его вовсе не там, а в другом конце Парижа, на левом берегу Сены. А если точно — на углу улиц Пигаль и Дуз, в кафе под названием «Сан Суси». Нужно, пожалуй, объяснить, что я там делал, не то придется потом к этому возвращаться. По примеру одного французского писателя, которого называли «ночным наблюдателем»*, я часто посещал некоторые кварталы Парижа. Ночью на улицах чувствуешь себя участником другой, второй жизни, куда более увлекательной, чем первая. Или просто воображаешь ее.

Дело происходило зимой, часов около восьми вечера, и народу в кафе было не так уж много. Мое внимание привлекла пара за одним из столиков. Он — лет сорока, худощавое лицо, коротко стриженные, тронутые сединой волосы, светлые глаза — сидел, не сняв верхней одежды. Его спутница — блондинка примерно того же возраста, выглядела хрупкой, но черты ее лица выражали

* Имеется в виду Эжен Сю (1804—1857), один из «отцов» массовой литературы. Особенный успех имел его роман «Парижские тайны», который публиковался в газетных выпусках и в захватывающей форме повествовал о преступлениях персон из высшего света и обитателей парижского дна.

твердость характера. Она что-то говорила ему низким, почти мужским голосом. Несколько фраз, которые мне удалось уловить, прозвучали так, как будто она читала текст — настолько четко она их выговаривала. Что-то в ее внешности сразу навело на мысль о квартале Пигаль, каким он был в ту пору*. Сперва я предположил, что они — владельцы одной из лавочек где-нибудь поблизости. Или, скорее, только она, подумал я. Он держался как бы на втором плане, только слушал, а говорила все время она... Потом мужчина достал из кармана сигарету, и я поразился, с какой точностью он забросил ее в рот, сделав легкое, едва уловимое движение подбородком. Вскоре женщина встала и властным тоном, отчеканивая слоги, сказала: «В следующий раз подумайте о моих поручениях». Эта фраза меня заинтриговала. Она произнесла ее сухо, почти надменно, а он в ответ лишь покорно кивнул. Затем женщина уверенным шагом, не оборачиваясь, вышла из кафе. Он с удрученным, как мне показалось, видом остался сидеть за столиком. Я проводил ее взглядом. На ней был подбитый мехом плащ. Дама пошла по левой стороне улицы Виктор Массе, и мне стало любопытно, не

* Площадь Пигаль и ее окрестности были тогда известны как район «красных фонарей», место, где художники и скульпторы находили себе натурщиц или подружек. Рядом — одноименная станция метро. Площадь названа в честь скульптора Жан-Батиста Пигаля, одна из работ которого находится в соборе Нотр-Дам.

собирается ли она зайти в «Табарэн»? Нет, скрылась из глаз. Может быть, отправилась в отель, расположенный чуть дальше, в нижней части улицы? После всего, что я случайно услышал, она в равной степени могла зайти как в отель, так и в кабаре или в парфюмерный магазинчик. А он все сидел за столиком, задумавшись, понутив голову, с сигаретой, зажатой в уголке рта — как человек, только получивший чувствительный удар. При свете неоновых ламп его лицо казалось покрытым каким-то пепельно-серым налетом. Я часто замечал такое у мужчин, уязвленных женщиной. Потом он тоже поднялся. Это был человек высокого роста, чуть сутулый. Через стекло я увидел, как он сомнамбулической походкой спускается к улице Пигаль. Такова была моя первая встреча с доктором Бувьером. Во второй раз я увидел его через двенадцать дней, в другом кафе, рядом с Данфер-Рошро. Париж — большой город, но я знаю, что здесь запросто можно несколько раз столкнуться с одним и тем же человеком, и чаще всего — в тех местах, где это представляется наименее вероятным. В метро, на бульварах... Когда такое происходит раз, второй, третий — считайте, что судьба (или случай) хочет устроить эту встречу и придать новое направление всей вашей жизни. Но мы часто не слышим ее зова. Проходим мимо, не испытывая ни радости, ни сожаления, и человек по-прежнему остается для нас незнакомцем.

Я зашел в кафе купить сигарет и увидел небольшую очередь перед стойкой бара. Стенные часы в глубине зала пробили семь. Прямо под ними, за столиком, на обитой красным молескином банкетке восседал Бувьер. Его окружало несколько человек, но они сидели на стульях. Бувьер занимал банкетку один, точно имел какие-то особые права на более комфортабельное место. Серый налет исчез с его лица, сигарета в углу рта тоже отсутствовала. Совершенно другой человек... Когда он говорил, у него был такой вид, будто он читает лекцию, которой слушатели внимают с почти религиозным трепетом. Один из них покрывал какими-то знаками страницы толстой ученической тетради. Здесь присутствовали и девушки, и юноши. Сам не знаю почему, мной овладело любопытство. Скорее всего, в тот вечер меня просто занимал вопрос: может ли человек настолько меняться в зависимости от того, где именно ты его видишь — на площади Пигаль или на Данфер-Рошро? Тогда меня по-прежнему очень волновало то, что называют «парижскими тайнами».

Чтобы расположиться поближе к Бувьеру, я выбрал место за соседним столиком. Заметив, что все пили кофе, я тоже заказал себе чашечку. Никто не обратил на меня внимания. Когда я поднялся из-за стола, Бувьер ни на секунду не прервался, хотя, пересаживаясь на новое место, я запнулся о ножку столика и прямо-таки плюхнулся на

банкетку рядом с ним. Я слушал внимательно, но плохо понимал, о чем он говорит: некоторые слова имели в его устах другой смысл, нежели в обыденной жизни. Меня удивило, насколько велика его власть над аудиторией. Все буквально упивались его речью, а тип с ученической тетрадкой без устали заполнял ее стенографическими значками. Но время от времени Бувьер смешил слушателей. Причиной были непонятные мне выражения, которые периодически повторялись, точно некий таинственный пароль. Если бы сейчас я чувствовал себя бодрее, то попытался бы припомнить самые характерные положения его проповеди. Но меня эта речь не тронула. В моей душе она не находила отклика, и никакого сверхъестественного излучения от нее не исходило. А сегодня его речи остались в моей памяти чем-то похожим на слабые и унылые звуки старого клавесина. Теперь, когда голос доктора Бувьера уже не может придать им особой значимости, доносятся лишь исчезающие слова, смысл которых улавливается с трудом. Думаю, Бувьер в той или иной мере почерпнул их из психоанализа и каких-нибудь древневосточных философских учений. Впрочем, не рискну слишком углубляться в материи, с которыми плохо знаком. Умолкнув, он повернулся в мою сторону и, наверное, только тут заметил мое присутствие, но тотчас обратился к аудитории с вопросом: «Вы поняли, что я хотел сказать?» — и лишь тогда

задержал на мне взгляд. К тому моменту мне самому уже казалось, что я растворился в этой группе, но меня интересовало, проводит ли Бувьер различие между прочими слушателями и мной. Я был уверен, что его аудитория постоянно обновлялась, и если даже вокруг него и сложилась горстка «верных» — приближенная гвардия, то многие другие приходили на один вечер и уходили, состав собиравшихся за одним и тем же столиком каждую неделю менялся. Я сказал себе: он плохо различает все эти лица и группы, они путаются в его сознании. Одним больше, одним меньше... Иногда мне казалось, что Бувьер разговаривает сам с собой. В такие минуты «доктор» выглядел не более чем актером, декламирующим свой монолог перед безликой публикой. Уловив, что заинтересованность слушателей достигла апогея, он затягивался сигаретой так сильно, что слипались щеки, и тогда оратор, не выпуская дыма, прерывался на несколько секунд, как бы желая засвидетельствовать, что всеобщее внимание надежно приковано к его устам. В первый вечер я пришел, видимо, к самому концу собрания. Минут через пятнадцать он умолк и, положив на колени тощий черный портфель весьма элегантной модели — из тех, что покупают в дорогих магазинах Фобур-Сент-Оноре, извлек оттуда ежедневник в красном кожаном переплете. И, перелистав его, бросил ближайшему слушателю, парню с физиономией, напоминающей ястре-

ба-перепелятника: «В следующую пятницу — в “Зейер”, в восемь часов». А другой, по виду исполняющий обязанности секретаря, отметил что-то в своей записной книжке, и я предположил, что ему поручалось отправить приглашения. Вслед за тем Бувьер встал и, снова повернувшись в мою сторону, послал мне покровительственную улыбку — вероятно, с целью поощрить дальнейшее присутствие новичка на собраниях. В качестве вольнослушателя? Другие в едином порыве поднялись вслед за ним. Я присоединился к всеобщему движению. Выйдя из кафе на площадь Данфер-Рошро, Бувьер продолжал держаться в центре группы, обращая то к одному, то к другому. Это напоминало манеру тех профессоров философии с легким налетом богемы, которые имеют обыкновение после лекций допоздна засиживаться с самыми заинтересованными своими учениками за стаканом вина. В этой группе оказался и я. Мы провожали его до автомобиля. Ближе всех к нему держалась блондинка — ее строгое, с тонкими чертами лицо я еще раньше для себя отметил, с ней его, как мне показалось, связывала несколько большая близость, чем с остальными. На блондинке был плащ такого же цвета, что и у той женщины с площади Пигаль, только без меховой отделки. Вечер был довольно холодный. В какой-то момент «доктор» взял ее за руку, и, судя по всему, никого это ничуть не удивило. Остановившись возле

авто, они обменялись несколькими словами. Я встал слегка поодаль. Жест, которым он отправил в рот сигарету, был на сей раз лишен манерности, столь запомнившейся мне на площади Пигаль. Напротив, сигарета сообщала ему нечто воинственное: он выглядел полководцем в окружении своего генерального штаба, отдающим последние распоряжения. Светловолосая девушка в плаще все время оставалась рядом с ним, так что их плечи соприкасались. Ее лицо становилось все строже и строже — похоже, она старалась держать других на расстоянии и подчеркнуть свое особое место рядом с Бувьером.

Он уселся в авто вместе с этой девушкой, которая захлопнула дверцу. А затем склонился к стеклу и послал провожающим прощальный знак рукой. Но в этот момент он смотрел прямо на меня, так что возникла полная иллюзия того, что жест адресован только мне. Я стоял у самого края тротуара и подался к Бувьеру. Девушка бросила в мою сторону недовольный взгляд. Когда автомобиль готов был тронуться, меня охватило какое-то безрассудство. Я готов был забарабанить по стеклу и крикнуть «доктору»: «А о поручениях вы не забыли?» — настолько заинтриговала меня фраза, сказанная властной блондинкой в тот вечер на площади Пигаль. Мне не хотелось, чтобы она так и осталась загадкой среди многих других слов и образов, возникших на короткий миг, чтобы

вспыхнуть в вашей памяти и, подобно проблеску далекой звезды, без следа исчезнуть вместе с вами в день вашей смерти, унося с собой свою тайну.

Я в смущении оставался стоять на тротуаре вместе со всеми и, не зная, о чем с ними говорить, улыбнулся парню с ястребиной физиономией. Может, ему известно больше, чем остальным? А потом довольно-таки бесцеремонно спросил, кто эта девушка, которая сейчас уехала вместе с Бувьером. Не выказав удивления, он спокойным и глубоким голосом ответил, что ее зовут Женевьева. Женевьева Далам.

Стараюсь припомнить, что именно в столь поздний час могло привести меня в ночь аварии на площадь Пирамид. Нужно сказать, что в то время я испытывал ощущение счастья всякий раз, когда покидал кварталы левого берега, словно мне достаточно было пересечь Сену, чтобы выйти из оцепенения. Внезапно сам воздух назлектризовывался, как бы предвещая: что-то должно случиться...

Топография, бесспорно, имела для меня слишком большое значение. Я часто спрашивал себя, почему на протяжении нескольких лет места, где мы встречались с отцом, постепенно перемещались от Елисейских Полей к Орлеанским воротам? Помню даже, что на стене моей комнаты на улице Вуа-Верт появился план Парижа. Шариковой ручкой там отмечались реперные точки. Красные крестики начинались в зоне, центром притяжения которой была площадь Этуаль, и продвигались они на запад, к Булонскому лесу, а далее — к Елисейским Полям. Потом они едва заметно смещались к улице Мадлен, Большим Бульварам и в сторону квартала Опера. А затем еще ниже — к

Пале-Руайяль. В течение нескольких месяцев — достаточно долго, так что я даже стал задумываться: уж не возникла ли в кочевой жизни моего отца некая константа? — мы виделись с ним на Рю Юнивер, встречаясь на своего рода разделительной линии, которая обозначилась на моем плане. Оттуда мы шли к кафе «Корона», что на углу площади Сен-Жермен-л'Оксеруа и набережной Лувра. Да, там-то, как мне представлялось, и проходила граница. Встречу в «Короне» он всегда назначал мне около девяти вечера, когда кафе уже почти закрывалось. В зале мы часто оказывались единственными посетителями. Движение по набережной затихало, а каждые четверть часа доносился бой башенных курантов Сен-Жермен-л'Оксеруа. Именно тогда я впервые заметил потертый костюм отца и недостающие пуговицы на плаще цвета морской волны. Но обувь всегда была начищена безукоризненно. Кого он напоминал? Безработного музыканта? Нет, скорее — авантюриста, только что выпущенного из тюрьмы. Напор и порывы молодости иссякли, «дела» идут все труднее и труднее... От Сен-Жермен-л'Оксеруа мы сместились к Орлеанским воротам. А в последний раз сумрачным ноябрьским утром я увидел, как его силуэт исчезает в рыжем тумане в направлении Монруж и Шатийон. Отец шел прямо к тем самым двум фортам, где когда-то расстреливали людей на рассвете... Некоторое время спустя мне слу-

чилось там побывать, только двигаясь обратным маршрутом. Часов около восьми вечера, покинув левый берег, я пересек Сену по мосту Искусств и очутился в «Короне». Но в тот раз мне довелось сидеть за столиком в глубине зала одному, и не нужно было мучительно подыскивать слова для разговора с неким сомнительным типом в плаще цвета морской волны. Я испытывал чувство облегчения, точно топкий, болотистый берег, где приходится передвигаться ощупью, остался позади и нога наконец-то ступила на твердую землю. Здесь даже светильники горели как-то ярче, слух различал легкое гудение неона. Выйти бы сейчас на свежий воздух, пройти вдоль колоннады до самой площади Конкорд... Стояла ясная, тихая ночь, и каждые пятнадцать минут раздавался звон часов на Сен-Жермен-л'Оксеруа. Передо мной открывалось будущее. Я был в «Короне» один, но никак не мог отделаться от размышлений о сборищах Бувьера и его учеников, где бывал в предшествующие несколько недель. Встречи по-прежнему происходили в разных кафе вокруг Данфер-Рошро. Кроме одного вечера, когда такое собрание происходило несколько дальше, на улице д'Алезиа, в «Терминусе», где я тоже иногда виделся с отцом. В тот вечер мне мысленно представилась встреча между ним и Бувьером. Два совершенно разных мира: Бувьер с его проповедническими интонациями, весь увешанный дипломами и защищенный

званием «доктора» и статусом властителя дум — и мой отец с его более чем рискованными делами, единственной школой которого была улица. Оба мошенники, каждый на свой манер.

На последнем собрании Бувьер распространял ксерокопии некоторых своих лекций, и от парня с ястребиным профилем я узнал, что эти лекции тот читал в каком-то университете или научно-исследовательском центре, теперь уж не помню, в каком именно. И все они там присутствовали. Но у меня, по правде говоря, не было никакого желания оказаться на школьной скамье, в ряду других его учеников. Пансионами и казармой я уже был сыт по горло. В тот вечер, когда «ястребинолицый» раздавал ксерокопии, я, воспользовавшись моментом, пока Бувьер устраивался на обтянутой молескином банкетке, сдержанным жестом дал понять, что мне копии не нужно. Он посмотрел на меня с укором, и, чтобы его не огорчать, я тоже взял одну. Потом, у себя в комнате, попытался читать, но так и не смог продвинуться дальше первой страницы. Мне постоянно казалось, что я все еще слышу голос Бувьера. Это был не мужской и не женский голос — в нем присутствовало нечто механическое, холодное и неживое. На меня он не оказывал ни малейшего воздействия, но у других, медленно проникая в сознание, вызывал своего рода умственный паралич, отдавая их во власть этого человека. Вчера вечером черты лица

«доктора» проявились в моей памяти с фотографической четкостью: скулы, маленькие, глубоко посаженные светлые глазки. Маска покойника. А губы — мясистые, странно изогнутые... Но главное — голос: такой холодный, такой механический! Я вспомнил, что в то время существовали и другие такие же «маски» — всякого рода «гуру», духовные наставники, создатели сект, у которых люди моего возраста надеялись найти для себя истинную политическую доктрину, незыблемые догматы веры. А некоторые принимали их за великих кормчих, которым можно предаться душой и телом... Я даже и теперь не очень-то ясно понимаю, почему мне удалось избежать такой опасности. Ведь я был не менее уязвим, чем другие, и, по правде говоря, ничем не отличался от сбитых с толку слушателей, объединившихся вокруг «доктора» Бувьера. Я тоже нуждался в твердой вере. Каким же чудом я не угодил в эту западню? Думаю, все дело в свойственных мне лени и беззаботности. И еще — в конкретности моего мышления: для меня все решают подробности, детали. Этот господин носит галстук ядовито-розового цвета... У той женщины духи отдают туберозой... Или: улица Карно слишком крутая... А вы замечали, что на некоторых улицах ближе к вечеру солнце бьет прямо в глаза? Меня иногда принимали за идиота...

Многие порядком разочаровались бы, раскрой я одну из тех причин, которые заставили меня присутствовать на собраниях. Среди всех других нужно отметить ту, что представлялась мне самой существенной: Элен Навашин. Брюнетка с голубыми глазами, она была единственной, кто ничего не записывал. Блондинка, которая всегда держалась в тени Бувьера, поглядывала на нее с подозрением, словно видела в ней соперницу, хотя «доктор» и не обращал на девушку ни малейшего внимания. Элен Навашин никогда ни с кем не разговаривала: должно быть, не знала никого из членов группы. Я видел, как после собраний она уходила одна, пересекала площадь, а потом исчезала в пасти метро. Если дело происходило вечером, на коленях у нее лежала нотная папка. Однажды я поинтересовался, не музыкант ли она, и мы вышли вместе. Оказалось, девушка давала уроки фортепиано, чтобы заработать на жизнь, но упорно стремилась поступить в консерваторию.

В тот вечер я шел с ней до станции метро. Она сказала, что живет неподалеку от Лионского вокзала, и, чтобы проводить ее до самого дома, я

выдумал, будто у меня назначена встреча в этом квартале. Годы спустя я проезжал по той же ветке метро, и на воздушном отрезке линии, между Данфер и площадью Италии, мне пригрезилось, будто время исчезло и я вновь на знакомой скамье, а рядом со мной — Элен. Потом меня охватило сильнейшее ощущение пустоты, и, чтобы успокоиться, я сказал себе: это оттого, что метро нависает над бульваром и шеренгами зданий, а как только рельсы вновь нырнут под землю, головокружение пройдет и ты перестанешь испытывать ощущение утраты. Все будет в порядке, монотонность будней действует умиротворяюще...

В тот первый вечер мы были в вагоне едва ли не одни, час пик уже миновал, и метро почти опустело. Я спросил, почему она посещает собрания Бувьера. Как выяснилось, еще не зная «доктора», Элен прочла его статью об индийской музыке, и ей показалось, что перед ней открываются новые горизонты. Но вживую он ее несколько разочаровал — его «учение» не соответствует статье. Если я захочу, она даст мне ее почитать.

А что привело на Данфер-Рошро меня? Простое любопытство. Бувьер заинтриговывал, хотелось больше о нем узнать. Какой могла быть жизнь этого доктора Бувьера? Девушка улыбнулась. Она тоже задавала себе этот вопрос. Сразу видно, что он никогда не был женат и, кажется, испытывает влечение к некоторым из своих учениц. Но так ли

это на самом деле? Все они одного и того же физического склада: бледные, блондинки, у них строгий вид молодых христианских девушек, на грани мистицизма. Сначала это ее смущало. Ей казалось, что иные из них во время собрания смотрят на нее свысока, давая понять, что она не их круга. Что ж, значит, нужно заставить их принять нас, сказал я. А впрочем, я никогда не ощущал себя принадлежащим к какому-либо кругу. Подумалось еще, что в Париже — одна, без семейных связей — Элен, как и я, должно быть, чувствует себя немного потерянной, пытается найти какой-то жизненный ориентир. Вот и пересекается порой с такими личностями, как этот «доктор». Нас обоих удивила одна деталь. На прошлой неделе на одном из собраний Бувьер появился в довольно-таки странном виде: оплывшее лицо, под глазом — синяк, на носу и на шее — ссадины. Как будто ему набили физиономию... Он ни единым намеком не дал понять, что же такое с ним случилось, и как ни в чем не бывало вел диалог с аудиторией, то и дело спрашивая, все ли понятно. А для отвода глаз еще больше, чем обычно, старался блеснуть красноречием. И кажется, достиг цели: один только похожий на ястреба секретарь да блондинка с прозрачной кожей в течение всего занятия не спускали с него тревожного взгляда. Когда лекция закончилась, блондинка принялась накладывать ему на лицо компресс, а он, улыбаясь, предоставил себя ее заботам. Никто

не осмелился задать ни малейшего вопроса. Элен тихонько спросила меня, не нахожу ли я это странным. В ее тоне сквозило недоумение. Почему все промолчали? Неужели люди, расставшись с детством, совершенно теряют всякую способность удивляться? Я чуть было не рассказал ей о женщине с площади Пигаль, но потом подумал, что едва ли она могла так его отделать. Да и вообще, вряд ли в данном случае нужно искать женщину... Нет, за этим стоит что-то гораздо более brutальное и даже нечистое. Какую-то часть или сторону своей жизни Бувьер, мягко говоря, явно не афиширует. Видимо, скрывает нечто такое, что и сам считает постыдным. Помнится, в ответ на вопрос Элен я только пожал плечами и сказал, что это не иначе как одна из «парижских тайн».

Элен жила в одной из многоэтажек, расположенных перед Лионским вокзалом. Я объяснил ей, что до моего свидания остается еще целый час. Она ответила, что с удовольствием пригласила бы меня к себе, чтобы мне не переживать его на улице, но ее мать, к сожалению, не приветствует импровизированные визиты в их маленькую квартирку на улице Эмиль-Жильбер, 5.

На следующем собрании я снова увидел Элен. Ссадины на лице доктора Бувьера почти исчезли, и только на левой щеке белел кусочек лейкопластыря. Мы так и не узнали, кто же именно нашего «гуру» отделал. А сам он и словечком не обмолвился. Я был уверен, что даже та девушка-блондинка, которая всякий раз садилась с ним в авто, ничего не знает. Если ты — мужчина, твои секреты должны умереть вместе с тобой...

В тот вечер я спросил Элен, почему ее так интересует индийская музыка. Она ответила, что часто слушает индийские мелодии: это освобождает от всего угнетающего в повседневной жизни и позволяет достичь сфер, где дышится легко и свободно. И потом, эта музыка умиротворяющая, а ей так нужны вольный воздух и спокойствие. Нельзя было с ней не согласиться. После этого я часто провожал девушку на уроки музыки. Ученики ее по большей части жили в Седьмом округе. Я поджидал ее, прогуливаясь по улице, а если шел дождь или снег, укрывался в каком-нибудь кафе, ближайшем к тому дому, куда Элен вошла. Урок длился

час, и в иной день она давала их по три-четыре. Тогда я в одиночестве бродил вдоль заброшенных зданий Военной академии. Я боялся забыть дорогу и заплутать, но справиться у кого-то не решался. Прохожие здесь встречались редко, да и о какой дороге я мог их спросить? Однажды вечером на авеню Сегюр, на границе Пятнадцатого округа, меня внезапно охватила паника. Вдруг показалось, что я растворяюсь в тумане, предвещающем снег. Так захотелось, чтобы кто-то взял за руку и сказал ободряющие слова. Что-нибудь вроде: «Да нет, ничего, старик... Ты, наверное, просто не высыпaeшь... Пойдем, выпьем коньяку... Все пройдет...»

Я пытался вызвать в памяти конкретные мелкие детали. Элен мне говорила, что, давая уроки, старается не усложнять себе жизнь и заставляет своих воспитанников разучивать один и тот же фрагмент «Болеро» Гуммеля. Однажды она даже сыграла его на пианино, которое мы обнаружили в баре, расположенном в каком-то подвальчике. А как-то я ее попросил напеть мне это самое «Болеро». Гуммель... Наверное, какой-нибудь немец, путешествовавший по Испании. Уж лучше бы я ждал Элен прямо у дома, где она давала урок. Станный квартал... Таинственный, сказал бы доктор Бувьер своим холодным механическим голосом. Какая слабость с моей стороны поддаться настроению... Неужели мне достаточно легкого

тумана на перекрестке Сегюр-Сюфрен, предвещающего снег, чтобы пасть духом. Поистине, я дитя природы. Не знаю, было ли это всего лишь воспоминание о снеге, который падал в тот вечер, когда Элен вышла из дома, где давала урок, но всякий раз, когда я думаю об этом периоде моей жизни, я ощущаю запах снега. Вернее — свежести, которая холодит легкие. И ко всему этому примешивается запах эфира. Как-то вечером после урока, в гололедицу, Элен поскользнулась, упала и поранила руку. Царапина кровоточила. Мы зашли в ближайшую аптеку, я попросил вату, а вместо спирта — флакончик эфира. Не думаю, что это была преднамеренная ошибка с моей стороны. Мы уселись на скамейку, Элен открыла флакон, и в тот момент, когда она смочила ватку, чтобы наложить ее на царапину, повеяло резким и таким привычным мне с детства запахом. Синий флакончик я положил в карман, но запах еще долго плавал вокруг нас. Он пропитывал и номера отеля в том квартале возле Лионского вокзала, где мы обычно уединялись. Это случалось, когда она не сразу уходила домой или назначала мне там свидание часов на девять вечера. В таких отелях у клиентов не спрашивают документов. Из-за близости вокзала здесь настоящий проходной двор. Постояльцы надолго не задерживаются, уезжают ближайшим поездом. В холлах обычно царит полумрак. Нам давали бланки, где следовало записать свои фамилии и

адреса. Но никто и никогда не проверял, соответствуют ли они тем, что указаны в наших паспортах или других документах. Я заполнял оба, постоянно меняя фамилии и адреса... И потом заносил их в свою записную книжку, чтобы не повторять те, что фигурировали в предыдущий раз. Мне хотелось запутать следы и даты рождения, так как оба мы еще не достигли совершеннолетия. Список этих фальшивых фамилий и адресов я нашел в прошлом году в старом портфеле.

Жорж Аккад, улица Ларошфуко, 28, Девятый округ Парижа

Иветт Дэнтиллак, улица Ложье, 75

Андрэ Габизон, улица Жорж Жюан, 17, Мадрид
Жан-Морис Жедлински и Мари-Жозе Васс, Каза Монтальво, Биарриц

Жак Пиш, Берлин, Штиглиц, Орлеанштрассе, 2

Патрик де Теруан, улица Берлиоз, 21, Ницца

Сюзи Край, Визельстраат, 98, Амстердам

Я слышал, что каждый отель передает эти карточки в подразделение полиции специального назначения, там их расставляют по алфавиту, а позже якобы уничтожают. Но мне в это не верится — думаю, они остаются целыми и невредимыми в особых картотеках. Наверняка однажды вечером какой-нибудь отставной полицейский от нечего делать просматривает старые архивы, на глаза ему попадают карточки Андрэ Габизона

или Мари-Жозе Васс, и он спрашивает себя, почему означенные особы вот уже лет тридцать числятся отсутствующими, а по указанным адресам никто о них и слыхом не слыхивал. Но правды он так и не узнает. Просто когда-то одна девушка давала уроки музыки... Я помню черные маскировочные шторы гражданской обороны на окнах отеля близ Лионского вокзала, хотя после войны прошло уже довольно много лет. Я слышу шаги людей, снующих туда-сюда по коридорам, хлопанье дверей и трели телефонных звонков. И преследовавшие нас всю ночь голоса за перегородками — судя по тональности, они принадлежали коммивояжерам, неустойчиво обсуждавшим свои бесконечные дела. А на лестницах раздавались тяжелые шаги людей, несущих чемоданы.... Но, несмотря на весь этот шум и гам, нам удавалось погрузиться в оазис тишины — тот самый, о котором она мне говорила, — где дышалось легко и свободно. И скоро у меня возникало ощущение, будто мы — единственные обитатели этого отеля, и ни души здесь больше нет, все отправились на вокзал, к поезду. А тишина была такой глубокой, что мне живо представлялся вокзальчик какого-нибудь провинциального городка, затерявшегося в снегах возле самой границы.

Помню, как после аварии, внезапно проснувшись в клинике Мирабо, я долго не мог понять, где нахожусь. Отыскал кнопку лампы у изголовья, и тогда, при ослепительно ярком свете, передо мной выступили белые стены, оконные стекла. Мне удалось снова уснуть, но сон был тяжелый и беспокойный. А за перегородкой всю ночь переговаривались. И все время повторялось одно и то же имя, звучавшее с различной интонацией: ЖАКЛИН БОЗЕРЖАН. Проснувшись утром, я понял, что все это мне просто приснилось. Одно только женское имя было реальностью, потому что она сама произнесла его в городской больнице, когда тот тип в белом халате спросил нас, кто мы такие.

И другой вечер... Аэропорт Орли-Сюд, я жду друзей, прилетающих из Марокко. Самолет задерживается. Времени что-то около десяти. Большой холл, выходящий в зал прибытия, почти пуст. Странное ощущение, будто ты на ничейной земле, вне пространства и времени. Терпеливо жду, и вдруг один из тех потусторонних голосов,

которые только в аэропортах или на вокзалах и можно услышать, трижды повторяет: ЖАКЛИН БОЗЕРЖАН ПРОСЯТ ПРОЙТИ НА ПОСАДКУ К ВЫХОДУ 624. Я бегу вдоль зала. Не знаю, какой она стала — ведь прошло тридцать лет! Но годы больше ничего не значат. Мной овладевает иллюзия: а что, если и для меня еще есть выход, свой порт прибытия... Вот он, выход 624! Возле него всего несколько пассажиров. На посту стоит слушающий в темной униформе.

— Ваш билет? — строго спрашивает он.

— Я ищу одну даму... Ее только что вызывали... Жаклин Бозержан...

Последние пассажиры исчезают за дверью. Он пожимает плечами:

— Видимо, она давно уже прошла на посадку, мсье.

— Вы уверены? Жаклин Бозержан, — еще раз повторяю я. Он перекрывает вход.

— Вы же видите, мсье: никого больше нет.

Период, предшествовавший аварии, помню смутно — все смешалось у меня в памяти. Дни текли в каком-то призрачном, колеблющемся свете. Я терпеливо ждал, что напряжение достаточно увеличится и можно будет лучше разглядеть этот отрезок. Когда я сегодня размышляю о том времени, из тумана проступает один только силуэт Элен. Припоминается даже, что на левом плече у нее была родинка. Она сказала, что собирается на несколько дней в Лондон — там ей предлагают работу, и она хотела бы убедиться, что это действительно интересно.

Вечером я провожал ее к поезду на Северный вокзал. Потом она прислала открытку, писала, что вскоре вернется в Париж. Но так и не вернулась. Прошло года три, и однажды у меня раздался телефонный звонок. Я услышал женский голос. Он повторял:

— Алло, алло... Это отель «Палим»... С вами будут говорить...

Отель «Палим»... Это ведь почти рядом с ней, на той самой улочке, откуда видны часы Лионского вокзала! Однажды мы сняли там комнату

под именами Иветты Дэнтиллак и Патрика де Теруана... А женский голос все твердил:

— Алло, алло... Вы еще на линии, мсье? Соединяю вас...

Я был уверен, что это она. Мы снова встретимся между двумя уроками фортепьяно, и ее ученики опять до скончания века будут играть «Болеро» Гуммеля... Как любил повторять доктор Бувьер, жизнь — это вечное возвращение. На линии возникали помехи, они напоминали шорох ветра в листве. Я ждал, сжимая в руке телефонную трубку, словно оберегая ее от малейшего движения, которое может разорвать эту нить, протянувшуюся сквозь годы.

— С вами будут говорить, мсье...

Мне показалось, будто я слышу стук опрокидывающейся мебели... Или это на лестнице уронили что-то тяжелое?

— Алло... Алло... Вы слышите меня?

Мужской голос! Я был страшно разочарован. И опять потрескивание на линии...

— Мы дружили с вашим отцом... Вы меня слышите?

Я бы с удовольствием ответил ему утвердительно, но он и слова не давал мне вставить.

— Ги Руссот, меня зовут Ги Руссот. Может быть, отец говорил вам обо мне? Я коллега вашего отца, мы вместе работали в бюро Отто... Слышите вы меня?

Похоже, он задает вопросы для проформы, и ему все равно, слышу я его или нет.

— Ги Руссот... У нас с вашим отцом было одно дельце...

Можно подумать, что он звонит мне, сидя в одном из тех баров, каких немало встречалось на Елисейских Полях лет пятьдесят тому назад. Под общий гул голосов разговоры неизменно вращались там вокруг сделок на черном рынке, покупалось и продавалось все — от женщин до лошадей. Голос звучал все глуше и глуше, доносились уже только обрывки фраз:

— Ваш отец... бюро Отто... встреча... несколько дней в отеле «Палим»... где я мог бы его видеть... Просто скажите ему: Ги Руссот... бюро Отто... Ги Руссот ... телефонный звонок... Вы меня слышите?

Как он отыскал номер моего телефона? В ежегоднике его не было. Отель «Палим»... Я представил себе целый список телефонирующих из какой-нибудь комнаты этой гостиницы, может быть, из той же самой, которую некогда сняли на одну ночь Иветт Дэнтиллак и Патрик де Тербуан. Какое странное совпадение... Теперь голос звучал совсем издалека, доносились только обрывки фраз. Кого хотел видеть этот человек? Моего отца, полагая, что тот еще жив? Меня самого? Но в ответ доносится уже только грохот опрокидываемой мебели или падения чего-то тяжелого на лестнице. Раздается

короткий щелчок — видимо, трубку положили на место. Было уже восемь вечера, и я не решился вызвать отель «Палим». И потом, я действительно испытывал большое разочарование. Я так надеялся услышать голос Элен! Что с ней случилось за это время? Последний раз я видел ее во сне, сон этот внезапно оборвался, и она не успела назвать мне свой адрес и номер телефона.

Той же самой зимой, когда я услышал далекий голос Ги Руссота, со мной случилась одна неприятная история. Представьте себе: вы тридцать с лишним лет трудитесь в поте лица, чтобы жизнь стала более светлой и гармоничной по сравнению с тем, с чего вы начинали, — и все напрасно: непредвиденный случай внезапно отбрасывает вас назад. Это произошло в декабре. Почти целую неделю всякий раз, собираясь выйти из дома или вернуться к себе, я неизменно замечал какую-то женщину. Она всегда неподвижно стояла в нескольких метрах от входной двери, а иногда на тротуаре напротив. И всегда появлялась не раньше шести вечера. Высокая, в облезлом мутоновом мантио и в шляпе с большими полями, за спиной — красновато-коричневый ранец. Стоя в угрожающей позе, она молча провожала меня взглядом. Из какого забытого кошмара моего детства возникла эта особа? И почему именно теперь? Я взглянул в окно: она стояла на тротуаре, не спуская глаз с фасада дома. Зажигать электричество я не стал, и она не могла меня видеть. Набитый

заплечный ранец, эта шляпа, да еще и сапоги в придачу — она производила впечатление марки-тантки некой давно исчезнувшей армии, оставившей позади себя немало трупов. Меня обуял страх: а что, если отныне и до конца моей жизни, где бы ни был мой дом, она так и будет нести свою вахту? И куда бы я ни перебрался, это не поможет. Она все равно меня найдет. Как-то я возвращался домой позднее обычного. Уже надвигалась ночь, но она, как всегда, неподвижно торчала на своем месте. Я собрался было толкнуть дверь, и тут она начала медленно приближаться ко мне. Старуха... Она не сводила с меня сурового взгляда, словно желала заставить устыдиться какого-то моего поступка или напомнить о допущенной мною ошибке. Я молча выдержал этот взгляд. Но потом мне все-таки захотелось спросить, в чем же заключается моя вина. Скрестив руки на груди, негромко, но отчеканивая каждый слог, я сказал, что желал бы знать, чего она хочет. Старуха воинственно подняла подбородок, открыла рот, и на меня обрушился целый поток ругательств. И при этом называла меня по имени, обращаясь на «ты». Может, мы дальние родственники? Или когда-нибудь давно были знакомы? Широкополая шляпа подчеркивала вульгарность ее лица, и в желтом свете фонаря она напомнила мне старую немецкую комедиантку по имени Лени Рифеншталь. Жизнь с ее страстями не оставила никакого следа на этой физиономии.

То было лицо мумии, только принадлежало оно злой и капризной маленькой девочке... лет восьмидесяти! Ее глаза по-прежнему хищно следили за мной, но я не отвел взгляда и даже широко улыбнулся ей. И почувствовал, что она готова ужалить, излить на меня свою змеиную злобу. Но в этой агрессивности было что-то фальшивое, как в игре плохой актрисы, не умеющей передать нюансов. Она снова обрушила на меня поток брани и даже оперлась плечом о дверь дома, чтобы помешать мне войти. Я все так же улыбался, надеясь ее обезоружить и в то же время ясно понимая, что это может еще больше обострить ситуацию. Но я ее не боялся. Детские страхи — вдруг в темноте откроется дверь, и к тебе войдет колдунья или Смерть — давным-давно покинули меня.

Не соблаговолите ли вы говорить чуточку тише, мадам? — спросил я учтивым тоном, который удивил меня самого. Мне показалось, что моя невозмутимость привела ее в известное замешательство. Прошу прощения, я не привык к таким громким голосам, как ваш.

Лицо ее исказила судорога, глаза расширились. Это длилось долю секунды, а потом она снова, словно бросая мне вызов, воинственно вздернула подбородок. Тяжелый, выступающий вперед подбородок...

Я по-прежнему улыбался ей. И тогда она бросилась вперед, одной рукой схватила меня за плечо,

а другой принялась расцарапывать мне лицо. Я попытался вырваться, но она держала крепко. И тут я почувствовал, что кошмары моего детства понемногу возвращаются. Вот уже более тридцати лет мне казалось, что жизнь моя устроена так же правильно, как французский парк. Прямые аллеи и газоны, искусно разбросанные посреди них островки деревьев скрыли то болото, которое некогда едва не поглотило меня. Тридцать лет усилий! И только для того, чтобы какая-то Горгона, дождавшись ночной темноты, напала на вас на улице? Да она хочет меня задушить, эта старуха! Она давит, словно воспоминания моего детства. Меня бросило в холодный пот: отбиться от нее нечем, и никто не может мне помочь. Чуть подальше, на площади — здание комиссариата, там всегда дежурный пост. Обратиться к ним? Но тогда все опять закончится полицейским фургоном и комиссариатом. Этот рок тяготеет надо мной с давних пор. Когда мне было семнадцать, меня уже забирали в полицию, потому что отец хотел от меня избавиться. Это происходило почти здесь же, недалеко от церкви. Тридцать лет напрасных усилий — и все только для того, чтобы вернуться к исходной точке, в полицейский участок квартала. Как грустно...

— Видно, оба пьяны: подрались на улице, — скажет один полицейский другому. Нас, эту старуху и меня, усадят на скамью, как и всех, кого заби-

рают во время ночных обходов, и придется удостоверять свою личность. Конечно, спросят, знаю ли я ее. А комиссар полиции упрекнет:

— Поднять руку на родную мать! — Но, просмотрев документы и убедившись, что никакого родства между нами нет, не преминет добавить: — О, да вообще неизвестно, кто ваша мать! Вы свободны, мсье.

Это будет такой же полицейский чин, как и тот, которому отец сдал меня в мои семнадцать. Да, доктор Бувьер прав: жизнь — вечное возвращение. Холодная ярость обуяла меня, и я резко ткнул старуху коленом в живот. Ее цепкая хватка сразу ослабла, видимо, толчок был силен. Наконец-то можно отдышаться. Я так внезапно нейтрализовал ее, что она больше не осмеливалась приблизиться, неподвижно стоя на краю тротуара и не спуская с меня своих маленьких глаз с расширенными зрачками. Но теперь уже она занимала оборонительную позицию и даже попыталась мне улыбнуться. Театральная, фальшивая улыбка, и ее свирепый взгляд это доказывал. Я скрестил руки на груди. Убедившись, что улыбкой меня не проймешь, она попыталась выдавить из себя слезу. А я спрашивал себя: как человек в мои годы мог настолько испугаться какого-то призрака, чтобы хоть на мгновение поверить, будто эта ведьма еще в силах столкнуть меня в пропасть? Нет, с эпохой комиссариатов давно покончено!

В последующие дни она уже больше не дежурила возле моего дома и не подавала никаких признаков жизни. И вот нынешней ночью я снова заметил ее под своим окном. Казалось, наша схватка ничуть на нее не подействовала. Она дефилировала вдоль площадки перед домом: сто шагов туда, сто обратно. Расстояние совсем короткое, но теперь шаг у нее был четкий, почти военный. Держалась очень прямо, подбородок все так же задран. Время от времени она поворачивала голову к фасаду, точно хотела проверить, есть ли кто-нибудь там, в комнате. И снова принималась за свое. Сперва как бы примеривалась, точно репетировала, но мало-помалу ее шаги обрели ритмичность.

Она отошла от дома, а потом и вовсе исчезла из виду. И снова мне показалось, что старуха играет роль старой маркитантки, разыскивающей свою обращенную в бегство армию, но, как и в прошлый раз, сильно переживает.

С момента нападения старухи прошло года три или около того. И вот однажды летом, в июне или июле, я шел набережной Турнелъ. Суббота, солнечный послеполуденный час. Я разглядываю книги на лотках букинистов, и взор мой падает на три томика, перехваченных широкой красной резинкой и выставленных на самом заметном месте. При виде имени и названия, черными литерами отпечатанных на желтой обложке, я ощутил легкий укол в сердце: Фред Бувьер, «Вытеснение воспоминаний». Снял резинку. Другие книги Бувьера назывались «Наркотики и терапия» и «Ложь и Признание». Значит, на них-то он не раз и намекал на собраниях, происходивших на Данфер-Рошро! Видимо, это и есть те самые книги, которые он с некоторой долей иронии называл «грехами молодости», добавляя, что теперь их нигде не найти. Внизу на обложке значились дата публикации и имя издателя: Саблье. Да, в то время Бувьер действительно был очень молод: года двадцать два—двадцать три, не больше.

Купив все три томика, я открыл титульный лист «Лжи и Признания». Там стояла дарствен-

ная надпись: «Женевьеве Далам. Эта книга написана, когда я был в ее возрасте и еще не прозрел. В час решения — Фред Бувьер». Два других были без посвящений, но на титульном листе, как и в первом, стоял голубоватый оттиск: «Женевьева Далам» и адрес: бульвар Журдан, 4. В памяти тотчас же всплыло лицо белокожей блондинки, всегда державшейся в тени Бувьера, а после окончания собраний занимавшей рядом с ним место в автомобиле, и еще физиономия того типа с ястребиным профилем, вполголоса сообщившего мне ее имя: Женевьева, Женевьева Далам. Я спросил букиниста, откуда у него эти книги. Он пожал плечами: наверное, кто-нибудь от них избавился, перебираясь на другую квартиру... Мне припомнилось, как Женевьева буквально пожирала Бувьера своими голубыми глазами, внимая каждому его слову. Нет, не может быть, чтобы она от них «избавилась». Разве что вдруг решила полностью и окончательно порвать с этой частью своей жизни. Или ее уже нет на свете... Бульвар Журдан, 4 — это ведь совсем рядом со мной: одно время я снимал комнату в отеле на улице Вуа-Верт. И проверять не нужно: я точно знаю, что дома нет уже лет пятнадцать, да и название улицы изменилось.

Помню, однажды я собирался сесть в 21-й автобус, идущий в Жантийи, а Женевьева вышла из этого домика. Она тоже ожидала автобуса. На остановке мы были совсем одни, но я не осмелился к ней обратиться. А она меня не узнала, и

это так естественно: во время собраний для нее существовал один только Бувьер, остальные были всего лишь туманными пятнами окружающего его ореола.

Автобус тронулся, мы оказались единственными пассажирами, и я опустил на сиденье прямо перед ней. Я прекрасно помнил имя, которое за несколько дней до того шепнул мне парень с ястребиным профилем: Женестьева Далам.

Она погрузилась в чтение книги, обернутой в защитную пленку — может, той самой, подаренной Бувьером. Той, на которой он сделал дарственную надпись. Я не сводил с нее глаз. Где-то я прочитал, что, если пристально смотреть на человека, даже в спину, он обязательно ощутит ваше присутствие. С ней эксперимент затянулся. Она рассеянно взглянула на меня, только уже когда автобус проезжал улицу Гласьер.

— А я вас видел на собраниях доктора Бувьера! — произнося это имя, я рассчитывал получить в ответ ее благосклонность, но она бросила на меня откровенно подозрительный взгляд. Пришлось мысленно подыскивать слова, которые смягчили бы ее. — Просто с ума сойти: доктор Бувьер отвечает на любые вопросы, которые ставит перед тобой жизнь...

Я сознательно придавал себе сосредоточенно-отсутствующий вид, как будто одного только упоминания имени Бувьера было достаточно, чтобы позабыть об автобусе, в котором мы ехали, и возвы-

ситься над повседневностью. Мне показалось, что она успокоилась. Ведь у нас один и тот же «гуру», мы причастны к одним и тем же ритуалам, нам открыты одни и те же тайны.

— И давно вы посещаете собрания? — спросила она.

— Несколько недель.

— А хотели бы вы иметь более тесный контакт с Ним? — Женестьева задала этот вопрос слегка покровительственным тоном, точно именно она служила единственным связующим звеном между Бувьером и всеми его учениками.

— Не сейчас. Предпочитаю немного подождать...

Я произнес это столь серьезным тоном, что девушка долее уже не могла сомневаться в моей искренности. Она улыбнулась, и мне показалось даже, что в ее больших голубых глазах промелькнуло нечто напоминающее нежность. Но я не строил никаких иллюзий: все это, несомненно, относилось к Бувьеру.

На руке у Женестьева красовались мужские часы, что явно контрастировало с изяществом ее запястья. Ремешок из черной кожи болтался. Быстрым движением она спрятала книгу в сумку. Часы соскользнули и упали на пол. Я наклонился, чтобы поднять их. Должно быть, это часы Бувьера, подумал я. Она выпросила их, чтобы всегда иметь при себе принадлежащий ему предмет. Я хотел потуже затянуть ремешок на руке, но

он был решительно велик для нее. Тут-то я и заметил шрам на ее запястье — как раз там, где проступали вены. Розовый, совсем свежий, частично еще не совсем зарубцевавшийся. Сперва я испытал чувство неловкости. Шрам никак не вязался с этим солнечным зимним днем, да еще когда ты сидишь в автобусе в обществе юной блондинки с голубыми глазами. Но я принадлежу к тому распространенному типу людей, которые стремятся к счастью и питают пристрастие к паркам на французский манер. Если черные мысли порой и посещают меня, то всегда помимо моей воли. Может, и она такая же? Ее мимолетный взгляд и улыбка говорили о том, что до знакомства с доктором Бувьером она была довольно беззаботным существом. И конечно, именно из-за него утратила свою жизнерадостность. Она поняла, что шрам на ее запястье не укрылся от моего внимания, и плашмя положила руку на колено, чтобы спрятать его. Я решил поболтать о чем-нибудь безобидном. Она еще студентка или уже нашла работу? Да, работает машинисткой — в заведении под названием «Опера Интерим». И неожиданно заговорила самым естественным тоном, исчезли напряженность и многозначительность, присущие ей, когда речь шла о докторе Бувьере. Я окончательно утвердился в мысли, что до встречи с ним Женестьева была самой обыкновенной девушкой. Как жаль, что мы не познакомились тогда...

Я поинтересовался, давно ли она посещает

собрания. Почти год... Сначала было очень трудно, многого не понимала, не имела никакого представления о философии. Она тогда как раз бросила занятия, не получив свидетельства об окончании неполной средней школы: показалось, что учеба ей не силам, и осознание этого ввергло ее в «кризис отчаянья», как она выразилась. Может быть, она так сказала, чтобы дать мне понять, откуда этот шрам на ее запястье. А потом доктор Бувьер помог ей победить неверие в себя. Это дело весьма трудное, но благодаря ему она сумела выйти из кризиса. И теперь очень признательна доктору: ведь с его помощью удалось подняться на такой уровень, которого ей самой никогда бы не достичь. Где они встретились? О, да просто в кафе. Зашла перехватить сэндвич по дороге в офис, а он готовился там к лекции в Высшей школе. Он узнал, что она машинистка, и попросил перепечатать для него один текст. Я было собрался сообщить, что тоже впервые встретил Бувьера в кафе, но побоялся навести разговор на болезненный для нее сюжет. Наверное, она знала о существовании женщины в подбитом мехом плаще, той самой, что бросила Бувьеру: «В следующий раз подумайте о моем поручении». И не этим ли объясняется шрам на ее запястье? Или причина тут, скорее, в самом Бувьере и его интимной жизни, которая в первую же встречу показалась мне достаточно странной... Я поинтересовался, где она выходит. Пти-Шан — Даниэль Казанова... У меня билет до станции Люксембург,

но это не имеет значения. Я решил проводить ее до конечной остановки. Она направилась к своему офису, но сказала, что вскоре сменит работу: доктор обещал ей место с полным рабочим днем. Она будет перепечатывать его лекции и статьи, заниматься организацией собраний, созывом учеников и отправкой циркуляров разным группам. И будет счастлива иметь работу, которая наконец-то придаст смысл ее жизни!

— И тогда вы целиком посвятите себя доктору? — Этот вопрос вырвался у меня невольно, и, едва успев его задать, я тут же об этом пожалел. Она остановила на мне взгляд своих голубых глаз, и я заметил в нем строгость. Следовало загладить свою бестактность обтекаемой фразой: — Видите ли, духовные наставники не всегда осознают меру своей власти над учениками.

Ее взгляд смягчился. Но мне показалось, что я больше для нее не существую, и она полностью погрузилась в собственные мысли. Однако спросила:

— Вы так думаете?

В этом вопросе прозвучали смятение и просто-душие, тронувшие меня. Настоящая работа, которая наконец-то придаст смысл ее жизни... А ведь она хотела положить своей жизни конец, если я правильно понял значение этого шрама на запястье... Я почувствовал, что она доверяет мне. И вдруг так захотелось, чтобы прямо здесь, в этом автобусе, она приблизила свое лицо к моему и дол-

го-долго шептала мне на ухо слова, которые никто другой не расслышал бы.

Но девушка снова смотрела на меня с недоверием.

— Не согласна с вами, — сухо произнесла она. — Что касается меня, я как раз нуждаюсь в духовном наставнике.

Я кивнул. Ответить было нечего. Мы приближались к Пале-Руайяль. Автобус в тот момент проходил мимо рю Юнивер. Здесь, на открытой веранде, мы часто сидели с отцом. Он был неразговорчив, и нередко мы покидали столик, так и не нарушив молчания. Сколько совпадений! Автобус шел с остановками, и я подумал, что надо бы воспользоваться моментом, чтобы задать несколько коротких вопросов и побольше узнать об этой самой Женевиеве Далам. Но было заметно, что она упорно размышляет о чем-то своем. Вплоть до ее остановки мы так и не обменялись ни единым словом, а потом вместе вышли из автобуса. Уже на тротуаре она с отсутствующим видом пожала мою ладонь левой рукой, той самой — с часами и шрамом.

— До ближайшего собрания, — сказал я.

Но на следующих собраниях она попросту не замечала моего присутствия. Уходила в сторону авеню д'Опера и сразу же пропадала из поля зрения. В этот час там бывало слишком многолюдно.

Этой ночью я впервые увидел во сне один из самых печальных эпизодов моей жизни. Когда мне исполнилось семнадцать, отец решил избавиться от обузы и вызвал полицию. Полицейский фургон ждал нас перед домом. Отец передал меня комиссару квартала, назвав при этом «шпаной». Я предпочел бы забыть прискорбный эпизод, но той ночью, во сне, одна полузабытая деталь, наряду со всеми прочими, вновь встала передо мной и, хотя прошло уже сорок лет, вновь потрясла меня, точно бомба замедленного действия. Я сидел на скамье в глубине помещения комиссариата и ждал решения своей участи, совершенно не представляя, что же со мной хотят сделать. Порой я впадал в полусон. После полуночи через одинаковые промежутки времени с улицы стали доноситься шум мотора и клацанье открывающихся и закрывающихся дверей автомобиля. А вслед за тем инспекторы вталкивали в помещение разношерстную группу людей — одни прилично одеты, другие выглядели настоящими клошарами. Облава? Они называли свои имена какому-то типу, одним паль-

цем выстукивавшему их на клавиатуре, и затем исчезали в комнате, открытая дверь которой была единственным, что я видел. Последней перед ним предстала женщина — очень молодая, с каштановыми волосами. На ней было меховое манто. Когда полицейский после нескольких неудачных попыток, запинаясь, выговорил ее имя, она с досадой повторила его, четко выделяя каждый слог: ЖАКЛИН БОЗЕРЖАН.

Прежде чем она вошла в соседнюю комнату, наши взгляды встретились.

Я спросил себя: а точно ли в ту ночь, когда меня сбил автомобиль, я провожал Элен к поезду на Северный вокзал? Забвенье поглощает целые куски нашей жизни, не то что небольшие промежуточные эпизоды. В этой старой киноленте из-за белых пятен на пленке случаются скачки во времени, и возникает ощущение, что два события, которые на самом-то деле произошли с перерывом в месяцы, имели место в один и тот же день и даже одновременно. Как восстановить детальную хронологию, вглядываясь в отрывочные образы, сплетающиеся в запутанный клубок и то медленно, то стремительно уплывающие в черные провалы памяти? В конце концов у меня закружилась голова. Кажется, в тот раз я возвращался с Северного вокзала пешком. А иначе как в столь поздний час я очутился бы сидящим на скамейке возле сквера Сен-Жак, на остановке ночных автобусов? Какая-то пара тоже ждала автобуса. Мужчина обратился ко мне весьма агрессивным тоном. Он хотел, чтобы я проводил их — его и женщину — в отель. Женщина молча-

ла и выглядела смущенной. А он схватил меня за руку, пытаясь подтолкнуть к ней:

— Она ведь красивая, а? И ты еще не все видишь!

Я пытался освободиться, но он держал меня очень цепко и всякий раз, когда мне удавалось вырваться, снова хватал меня за руку. Женщина лукаво улыбалась. Должно быть, пьян, подумал я, когда он вплотную приблизил свое лицо к моему, чтобы продолжить разговор. Запаха алкоголя не чувствовалось, но от него несло скверной туалетной водой, «Аква ди сельва». Я так резко оттолкнул его движением плеча, что он рот раскрыл от удивления, и в его взгляде читалось явное разочарование.

Я вышел на улицу Кутеллери — это короткая пустынная улица прямо перед городской ратушей. Потом, в последующие годы — и даже не далее чем сегодня, — я часто туда возвращался: хотелось понять, почему, впервые попав сюда, я сразу почувствовал себя как-то странно. И чувство это неизменно повторялось. Скорее даже появлялось ощущение того, что переносишься в некий параллельный мир, существующий вне времени. Мне достаточно было пройтись по Кутеллери, чтобы убедиться: прошлое исчезло бесповоротно, настолько бесповоротно, что не очень-то понимаешь, в каком настоящем ты живешь. Это был всего лишь проезд, ночами автомобили проносились здесь, не останавливаясь. Улица казалась всеми

забытой, как будто на нее никто и никогда не обращал внимания. Той ночью на левой стороне я заметил красный свет. Заведение называлось «Ле Каланк». Я вошел. Лампийон под самым потолком освещал помещение. За одним из столиков четверо посетителей играли в карты. Ко мне сразу направился брюнет с усиками:

— Пообедать, мсье? Это выше.

Сопровождаемый им, я поднялся по лестнице. Там, наверху, столик возле стеклянной двери тоже занимали четверо — две женщины и двое мужчин. Мой спутник указал на первый столик слева, у самой лестницы. Посетители не обратили на меня никакого внимания. Они вполголоса разговаривали между собой, лишь иногда негромкую беседу прерывали приступы смеха. На столе стояли четыре открытых подарочных пакета, как если бы они отмечали какую-то знаменательную дату или праздновали Рождество. На красной скатерти лежало меню. Я разобрал только название какого-то рыбного блюда — «waterzoï», все остальное было набрано таким мелким шрифтом, что разглядеть в резком, почти белом свете лампыона не представлялось возможным. Та четверка рядом со мной уже просто покатывалась со смеху.

Рыбный «waterzoï»... Интересно все-таки, что представляют собой клиенты такого вот заведения? Члены тайного братства, которые шепотом сообщают друг другу его адрес? Или случайные

посетители, которых навечно прибило к этому столу, поскольку время на улице Кутеллеры остановилось? Я и сам не очень-то понимал, почему очутился здесь. Бесспорно, причина заключалась в том, что уехала Элен, — это лишило меня душевного равновесия. И потом, был воскресный вечер, а воскресенье всегда оставляет о себе странные воспоминания — кусочек небытия, нечто вынесенное за скобки обычной жизни. Вам нужно вернуться в коллеж или в казарму, вы ждете поезда на перроне вокзала, названия которого потом никогда не воскресить. А в вагоне забываетесь тяжелым сном под тусклыми синими лампочками. И вот я сижу в этом «Ле Каланк», столик накрыт красной скатертью, и меню предлагает «waterzoï» из рыбы. А за другим столиком уже буквально захлебываются от смеха. У одного из них на голове что-то вроде колпака из черного каракуля. Очки и утонченная французская физиономия абсолютно не вяжутся с головным убором русского — или польского? — улана. О, вспомнил, шапка, это называется шапка. Он наклоняется и хочет поцеловать свою соседку блондинку в ямочку у плеча, но та не позволяет. А другие хохочут. При всем желании не могу разделить их веселья. Думаю, присядь я за их столик и обратиться к ним, они бы меня и не услышали. Я пытаюсь припомнить конкретные детали. «Ле Каланк», улица Кутеллеры, 4. Может, все дело в местопо-

ложении этой улицы? Она выходит на громадные здания полицейской префектуры вдоль набережной Сены. И там — ни одного освещенного окна. Я продолжаю сидеть за столом, отодвигая тот момент, когда снова окажусь в одиночестве на набережной. Меня не утешает даже мысль о залитой светом площади Шатле. Тем более о Сен-Жермен-л'Оксеруа — чтобы туда добраться, тоже придется идти по пустынным набережным. Тот, за соседним столиком, в шапке, снял ее и отер лоб. Никто не приходит взять у меня заказ. Впрочем, вряд ли я в состоянии проглотить хотя бы кусочек «waterzoï» из рыбы в ресторане под названием «Ле Каланк»... Это словосочетание меня немножко позабавило*. Но остается все меньше и меньше уверенности, что сегодня удастся превозмочь тоску воскресного вечера...

* Фр. le calanque — залив, бухта. Игра слов: блюдо из рыбы в ресторанчике под названием «Залив».

Я вышел на улицу и подумал: а стоит ли ждать следующего ночного автобуса? Но перспектива снова оказаться в одиночестве в комнате своего отеля повергала в ужас. Квартал Орлеанских ворот тоже показался мне мрачным, может быть, потому, что вызвал из памяти картину недавнего прошлого: силуэт отца, удаляющегося по направлению к Монруж с видом человека, которого ждет встреча с расстрельной командой*, и все наши натужные свидания в этом районе — в «Зэйер», «Ротонде», «Терминусе»... Именно в этот час я особенно нуждался в обществе Элен. Как было бы хорошо вернуться в мою комнату вместе с ней. Мы даже могли бы пройти все эти мертвые улицы воскресного вечера пешком. И смеялись бы погромче, чем тот тип в шапке со своими сотрапезниками в «Ле Каланк».

Чтобы взбодриться, я сказал себе: не все было так уж мрачно в квартале у Орлеанских ворот. Летом на фоне листвы выделялся большой бронзовый лев, и всякий раз, когда я смотрел вдаль, его присутствие

* Ниже, у стен форта Монруж, гитлеровцы в годы оккупации Франции расстреливали участников движения Сопротивления.

на горизонте умиротворяло меня. Мне казалось, что он охраняет мое прошлое. И будущее тоже. Этой ночью лев стал бы для меня точкой опоры. К такому часовому нельзя не испытывать доверия.

Я быстро пошел в направлении Сен-Жермен-л'Оксеруа. И стоило мне достичь аркад улицы Риволи, как я почувствовал, что меня словно внезапно разбудили. «Ле Каланк»... Тип в шапке, пытавшийся поцеловать блондинку...

Мне показалось, что, миновав аркады, я вышел на свежий воздух. Налево высился Лувр, а вскоре возник и Тюильри — такие, какими они были во времена моего детства. Приближаясь к площади Конкорд, я старался угадать то, что скрывается там, в темноте, за решетками сада: первый пруд, зеленый театр, манеж, второй пруд... Теперь еще несколько шагов, и можно дышать полной грудью. Прямо, и вот наконец лев — в позе часового, посреди перекрестка... Этой ночью город выглядел еще более таинственным, чем обычно. Никогда не было такой глубокой тишины вокруг. Ни одного автомобиля! Я мог бы сейчас пересечь площадь Конкорд, не заботясь о красном или зеленом сигнале светофора — так ходят в степи. Да, я снова как во сне, но это куда более спокойное состояние, чем только что в «Ле Каланк»... Автомобиль возник как раз в тот момент, когда я вышел на площадь Пирамид. Я ощутил внезапную боль в ноге и успел сказать себе: сейчас я проснусь!

После аварии, в палате клиники Мирабо, у меня было время поразмышлять. Сперва вспомнилась мне та собака, которую задавили, когда я был еще маленьким, а потом и другое событие, относящееся к тому же времени. Так мало-помалу ко мне возвращалась память. До сих пор мне казалось, что я всегда буду избегать думать об этом. Один только запах эфира иногда вызывал воспоминания. Этот запах — черно-белый, ведь он переносит нас в точку хрупкого равновесия между жизнью и смертью. Это запах свежести и ощущение того, что дышишь наконец вольным воздухом. И вместе с тем в иные минуты кажется, что тебя накрывают саваном, буквально чувствуешь его тяжесть. Прошлой ночью в центральной больнице, в тот момент, когда мне наложили на лицо маску, чтобы усыпить, я вспомнил, что уже переживал нечто подобное. Все было точно так же: ночь, авария, запах эфира...

Это случилось, когда я вышел из школы. Двор примыкал к улице, которая шла слегка под уклон. Ее окаймляли деревья и дома — я потом больше таких не видел, будь то виллы, сельские домики

или постройки в пригородах. За годы моего детства я сменил столько самых различных мест, что в конце концов все они перепутались у меня в голове. Воспоминание, которое сохранилось об этой улице, смешалось, наверное, с воспоминанием об улице в Биаррице или какой-нибудь горбатой улочке в Жуи-ан-Жоза. В тот период я некоторое время жил в этих двух местах, и думаю, что собаку задавили на улице Доктор-Кюрзен в Жуи-ан-Жоза.

Я выходил из школы во второй половине дня. Должно быть, дело происходило зимой, уже стемнело. Стоя на тротуаре, жду, чтобы за мной пришли. Вскоре вокруг не осталось ни души. Дверь школы закрыта, хотя многие окна освещены. Дорогу домой я не знаю. Собираюсь перейти улицу, но едва покидаю тротуар, как внезапно рядом резко тормозит небольшой грузовик. Он так толкнул меня, что я упал. У меня ранена лодыжка. Двое мужчин кладут меня в кузов, под брезент. Один из них остается со мной. Потом заработал мотор, и в кузове появилась женщина. Я ее знаю. Мы живем в одном доме. Я не раз ее видел. Она молодая, лет двадцати пять, блондинка или очень светлая шатенка, и у нее шрам на щеке. Женщина склоняется надо мной и берет меня за руку. Она тяжело дышит, как будто только что бежала. Объясняет мужчине (он рядом со мной), что опоздала потому, что автомобиль поломался. Говорит

ему, что она «только что из Парижа». Грузовичок останавливается перед решеткой сада. Один из мужчин несет меня, и так мы пересекаем сад. Она все время держит мою руку. Заходим в дом, и меня укладывают на кровать. Комната с белыми стенами. Надо мной склоняются две монахини, их лица обрамлены белыми чепцами. Они кладут мне на переносицу маску — точно такую же, как в центральной больнице. И прежде чем уснуть, я ощущаю черно-белый запах эфира.

В тот день, когда меня отпустили из клиники, я шел вдоль набережной по направлению к мосту Гренель и пытался восстановить в памяти, что же произошло тогда, в момент моего пробуждения у монахинь. Прежде всего, комната с белыми стенами, куда меня привели, напоминала палату в клинике Мирабо. И там точно так же пахло эфиром, как в центральной больнице. Это облегчало расследование. Говорят, именно запахи лучше всего помогают вызвать в памяти прошлое, а запах эфира всегда оказывал на меня странное действие. Он казался мне запахом самого моего детства, но поскольку снимал боль и был связан со сном, вызванные им образы тотчас же затуманивались. Именно в этом, несомненно, заключалась причина того, что у меня остались столь смутные воспоминания о детстве. Эфир одновременно провоцировал и припоминание, и забвение. Выход из школы, крытый брезентом грузовичок, дом с монахинями... Я силился восстановить другие детали. Вижу женщину рядом со мной в автомобиле... Вот она открыла дверцу, и грузови-

чок покати́л по доро́ге... Ее комната — на первом этаже нашего дома, последняя, в самом конце коридора. Но эти фрагменты воспоминаний были настолько смутными, что удержать их в памяти не удавалось. Четко выступало только женское лицо со шрамом на щеке, и я был твердо уверен: это то же самое лицо, что и в центральной больнице — только в другую ночь.

Бредя вдоль набережной, я оказался на углу улицы Альбони, там, где поезд метро вырывается на поверхность. Немного дальше виднелся сквер, он шел перпендикулярно улице. Я наугад остановился перед массивным зданием со стеклянной дверью и черной фероньеркой. Решил спросить у консьержки, на каком этаже живет Жаклин Бозержан, и, если она действительно живет здесь, позвонить к ней. Но я по натуре не из тех, кто способен явиться к людям без предупреждения. Я никогда ничего ни у кого не прошу и не требую помощи.

Сколько же прошло времени между инцидентом после выхода из школы и событием другой ночи, на площади Пирамид? Лет пятнадцать... Женщина в полицейской машине, как и та, в центральной больнице, казалась молодой. За такой промежуток времени люди меняются не столь уж сильно. Я поднялся по ступенькам до станции метро Пасси и на перроне, ожидая поезда, старался воскресить в памяти те опознавательные

метки, которые помогли бы мне понять: женщина с бульвара Альбони и та, которую я видел пятнадцать лет назад, — это одно и то же лицо? Кроме того, нужно бы еще припомнить, как называлось то место, где находились школа, обитель монахинь и дом, где я прожил какое-то время и где в самом конце коридора была комната той женщины. Все это относилось к периоду, когда я жил в Биаррице и в Жуи-ан-Жоза. До? Или в промежутке между ними? Если в хронологическом порядке, то сначала Биарриц, потом Жуи-ан-Жоза, возвращение в Париж, а далее идут все более и более четкие воспоминания, потому что тогда я уже достиг того возраста, который называют сознательным. Один лишь отец мог бы сообщить мне хоть что-то, пусть и не совсем достоверное, но он исчез в неизвестном направлении. Значит, только я сам могу распутать этот клубок, что кажется мне вполне естественным. Поезд пересек Сену и вырвался на левый берег. Он летел вдоль фасадов домов, и каждое освещенное окно казалось мне загадкой.

Однажды вечером, примерно за неделю до ночного происшествия, я неожиданно столкнулся в метро с доктором Бувьером. Он несколько не удивился нашей встрече и заговорил о том, что в жизни часто повторяются одни и те же ситуации, возникают одни и те же лица. И напомнил, что на одном из наших собраний он как раз развивал

тому «вечного возвращения». У меня возникло ощущение, что он готов сообщить нечто конфиденциальное.

— Вы, конечно, удивились тогда, встретив меня в столь странном виде, — сказал он, остановив на мне почти ласковый взгляд. Ни на лице, ни на шее у него уже не было никаких ссадин. — Видите ли, малыш... Есть одна вещь, которую я давно ношу в себе... То, в чем я никогда не признался бы при свете дня... — И тут, покачив головой, взял себя в руки: — Извините...

При этих словах он улыбнулся мне. Вид у него был такой, точно он испытал явное облегчение, в последний миг удержавшись от тягостного признания. Он еще немного поболтал скороговоркой о каких-то ничего не значащих мелочах, словно хотел замести следы. А потом поднялся и направился в сторону станции Пигаль. Я немного из-за него разволновался.

Тем вечером, выйдя из метро, я зашел в аптеку и подал фармацевту полученный в клинике рецепт, заодно попросив переменить повязку. Тот поинтересовался причиной ранения. Когда я пояснил, что меня сбил автомобиль, он произнес:

— Надеюсь, вы подали соответствующую жалобу? — И потом еще раз настойчиво переспросил: — Так вы подали жалобу?

Я не решился показать ему бумагу, которую подписал в клинике Мирабо. Она мне показалась странной, эта бумага. Я хотел перечитать ее на свежую голову, у себя в комнате. Когда я уже выходил из аптеки, фармацевт бросил мне вслед:

— И не забывайте каждый раз дезинфицировать рану меркурохромом!

Вернувшись в отель, я набрал справочную, чтобы узнать номер Жаклин Бозержан, бульвар Альбони. Но он нигде не значился. Моя комната показалась мне меньше, чем обычно, словно я вернулся сюда после долгих лет отсутствия или даже вообще жил здесь в какой-то другой, предшествующей жизни. Возможно ли, чтобы проис-

шествие той ночи произвело такой перелом в моей жизни, что она потекла в обе стороны — и вперед, и назад? Я пересчитал банкноты. Что ж, во всяком случае, отродясь я не был так богат. Закончатся эти утомительные походы через весь Париж, когда с ничтожной выгодой сбываешь какому-нибудь торговцу книги, которые только что купил у другого.

Лодыжка причиняла мне боль, но переменить повязку не хватало решимости. Положив руки под голову и вытянувшись на кровати, я пытался размышлять о прошлом, что было для меня делом непривычным. Когда так долго заставляешь себя забыть свое детство, уже не испытываешь по нему особой ностальгии. У меня не было ни одной фотографии, вообще никаких материальных следов того времени, кроме книжки о прививках. Но если как следует поразмыслить, то, пожалуй, эпизод с выходом из школы, грузовичком и монахинями можно поместить где-то между Биаррицем и Жуи-ан-Жоза. Мне было примерно шесть лет. А после Жуи-ан-Жоза — Париж, муниципальная школа на улице Пон-де-Лоди, потом — разные пансионаты и казармы по всей Франции: Сен-Ло, От-Савуа, Бордо, Мец, снова Париж, и так по сей день. Вывод: единственная загадка моей жизни, единственное звено, не связанное с другими, — это первый инцидент с грузовичком и молодой женщиной или девушкой, которая в тот вечер опоздала, «потому что попала в аварию и только что приехала

из Парижа». Понадобилось испытать шок другой ночи, на площади Пирамид, чтобы забытый эпизод всплыл на поверхность. Что подумал бы об этом доктор Бувьер? Смог бы он использовать этот пример в ряду других, чтобы на ближайшем собрании в Данфер-Рошро проиллюстрировать тему «вечного возвращения»? Но дело не только в этом. Мне показалось, что в моей жизни появился просвет, открывающий неведомые ранее горизонты.

Я встал и достал с этажерки картонную коробку цвета морской волны. Она стояла на самой верхней полке, туда складывались все те старые бумаги, которые потом засвидетельствуют, что вы действительно существовали на земле. Выписка из книги актов о рождении, которую мне недавно пришлось запросить в мэрии Булонь-Бийянкура, чтобы оформить паспорт; сертификат Гренобльской академии, удостоверяющий, что мною получено звание бакалавра; членский билет Общества защиты животных; мой военный билет с вложенным в него актом о крещении в Биаррице, приход Сен-Мартен. И наконец, очень старая книжка прививок. Открыв ее, я для начала изучил список прививок — против каждой из них стояли место и дата. Одна из прививок была сделана в Биаррице, неким доктором Вала. Потом, через шесть месяцев, как свидетельствовал штамп доктора Дивуара, последовала прививка в Фоссомброн-ла-Форе, департамент Луар-и-Шер. И еще одна, несколькими годами позднее, в Париже...

Я нашел указательный знак! Это как иголка, когда-то потерянная в стоге сена, или, если повезет, та нить, благодаря которой можно будет восстановить ход времени: доктор Дивуар, Фоссомброн-ла-Форе.

Потом я перечитал протокол несчастного случая, врученный мне толстяком-брюнетом при выходе из клиники, причем брюнет оставил у себя дубликат. Тогда я не осознал, что протокол составлен от моего имени, начинается словами: «Я, нижеподписавшийся... » и выдержан в выражениях, позволяющих предположить, что именно на мне лежит ответственность за происшествие. В момент пересечения площади Пирамид на уровне аркады улицы Риволи и в направлении площади Конкорд я не обратил внимания на появление автомобиля марки «фиат» цвета морской волны, номерной знак 3212FX75. Водитель, м-ль Жаклин Бозержан, пыталась избежать инцидента, и вследствие этого машина ударилась об одну из колонн...». Да, бесспорно, это правда. Автомобиль двигался достаточно медленно, и, прежде чем пересечь площадь, я должен был посмотреть налево. Но в ту ночь я был в таком состоянии... Жаклин Бозержан... В справочном мне заявили, что на бульваре Альбони не значится никого, кто носил бы такое имя. Но это, наверное, потому, что она не фигурирует в ежегоднике. Я спросил, сколько номеров числится на бульваре Альбони. Тринадцать... Немного терпения, и я наконец-то узнаю номер ее дома!

Я снова вышел из комнаты и еще раз позвонил в справочную. Никакого доктора Дивуара в Фоссомброн-ла-Форе тоже не было. Прихрамывая, я добрал до небольшого книжного магазина в самом начале бульвара Журдан и купил мишленовскую* карту департамента Луар-и-Шер, а потом еще сделал крюк, чтобы зайти в кафе «Бабэль». Нога у меня болела. Устроившись за одним из столиков на застекленной веранде, я с удивлением увидел, что башенные часы показывают только семь вечера. И снова искренне погоревал, что Элен уехала — мне так захотелось с кем-нибудь поговорить! Может, дойти до дома Женеьевы Далам, это же совсем рядом? Но ведь я наверняка найду ее в обществе доктора Бувьера — если только он уже не отправился на площадь Пигаль. Нет, пусть люди живут своей жизнью. Я ведь не решусь вот так, без предупреждения, заявиться к ней... Сложив карту, я принялся размышлять о Фоссомброн. Это очень занимало меня, так что на какое-то время я позабыл о своем одиночестве. Бульвар Альбони... Фоссомброн-ла-Форе... Мне казалось, что я вот-вот пойму нечто очень важное о себе самом и это может изменить весь ход моей жизни.

* Французская фирма «Мишлен», помимо производства шин (заводы в 19 странах), широко известна в мире изданием путеводителей и карт. Благодаря своему масштабу мишленовские карты отличаются исключительной подробностью.

На пересечении набережной и улицы Альбони, в самом ее начале, расположены друг напротив друга два кафе. Наиболее посещаемым было то, что справа: там продавались газеты и можно было купить сигарет. Я взял и то и другое, а потом спросил у хозяина, не знает ли он, случайно, некую Жаклин Бозержан? Нет, это имя ничего ему не говорит. Блондинка, живет где-то поблизости, она еще недавно в дорожное происшествие попала? Нет, он ничего такого не видел. Но вероятно, можно что-нибудь разузнать в большом гараже — это немного подальше, не доходя садов Трокадеро. Там занимаются продажей американских машин, и в округе у них немало клиентов. У нее на лице шрам? О, это особая примета! Спросите-ка о ней в гараже. Хозяина мой вопрос не удивил, он отвечал весьма любезным тоном, хотя и дал понять, что моя настойчивость слегка утомительна. Я уже пожалел, что произнес в его присутствии имя Жаклин Бозержан. Лучше верить, что те, кого вы ищете, сами придут к вам благодаря естественному ходу событий. Не нужно внезапных поступ-

ков. Будьте спокойны и молчаливы, растворитесь в окружающем мире...

Я всегда выбирал один из дальних столиков и терпеливо ждал. Так путник усаживается в сумерках где-нибудь на берегу пруда или озера и напрягает зрение, стараясь привыкнуть к полумраку, чтобы уловить малейшее волнение дремлющей воды. Прогуливаясь по близлежащим улицам, я все больше утверждался в мысли, что найду ее, никого ни о чем не спрашивая. Здесь — особо значимая зона, и у меня достаточно времени, чтобы достичь цели. Все мои перемещения вокруг Парижа, все маршруты моего детства, переезды с левого берега Сены в Венсенский и Булонский лес, с юга на север, встречи с отцом, мои собственные блуждания в последние годы — все привело меня в этот квартал на склоне холма на берегу Сены. Его можно назвать просто «жилым» или «безымянным», но пятнадцать лет назад мне послана благая весть, встреча суждена именно здесь. И пусть я получил это послание только недавно, не все еще потеряно. Окна на фасадах зданий так похожи, что их не отличить друг от друга. И все-таки за одним из них кто-то ждет меня.

Однажды утром, когда я сидел в кафе на углу набережной и улицы Альбони — в том, что расположено справа, — туда вошли двое мужчин и уселись за стойкой. В одном из них я тотчас узнал толстого брюнета. Он был в том же самом темном пальто, что и в ночь, когда случилась авария, и потом, когда я уходил из клиники Мирабо.

Я старался сохранять хладнокровие, и они, сидя за стойкой спиной ко мне, не заметили моего присутствия и очень тихо разговаривали между собой. Говорил в основном толстый брюнет, а второй делал заметки в своей записной книжке, время от времени кивая в знак согласия. Мой столик располагался довольно близко от стойки, но мне не удалось расслышать ни единого слова. Почему в ту ночь, когда мы сидели рядом с женщиной на диванчике в холле, а этот брюнет направлялся к нам, он произвел на меня впечатление «толстяка»? Наверное, после происшествия я находился в шоке и видел все очень смутно. А на другой день, к моменту выхода из клиники, тоже еще не мог привести свои мысли в порядок. Правда, элегантности его фигуре действительно не доставало, а черты лица и низко растущие надо лбом волосы прида-

вали ему известную брутальность. Он походил на одного известного американского актера, имени которого я не мог вспомнить.

Несколько мгновений я колебался. Нет, этим случаем следует воспользоваться! Я встал и занял место рядом с ним, облокотившись о стойку. Он сидел вполоборота ко мне, и я наклонился вперед с целью привлечь к себе внимание. Но его спутник первым заметил, что я хочу заговорить с ним. Надеюсь, что брюнет меня узнает, я не нарушал молчания. И не только из робости, а еще и потому, что подыскивал нужные слова. Но в его взгляде нельзя было прочесть ничего, кроме удивления и досады.

— Рад вас видеть, — сказал я, протягивая ему руку. Он с рассеянным видом пожал ее и, нахмутив брови, спросил:

— Мы с вами уже встречались?

— В последний раз — совсем недалеко отсюда, в клинике Мирабо.

Спутник брюнета с неприязнью разглядывал меня.

— Простите, не понимаю... — На его губах возникло подобие улыбки. — Где, вы говорите?

— В клинике Мирабо.

— Вы ошибаетесь, — ответил брюнет, меряя меня взглядом сверху вниз, точно прикидывая, какую опасность я могу для него представлять. Потом обратил внимание на мою левую ногу. Дело в том, что мне пришлось увеличить разрез на мокасине. Сколько помню, я просто вырезал целую

полоску кожи, чтобы освободить подъем, и носил повязку без носка, просто как хомутик, так что иногда на бинте выступали пятна крови.

— Это из-за аварии, — пояснил я, перехватив его взгляд. Но он снова сделал вид, что не понимает.

— Да-да, несчастный случай... Ночью... на площади Пирамид...

Он все так же молча рассматривал меня. Похоже, этот тип просто насмехается надо мной.

— Вообще-то я бы хотел узнать что-нибудь о Жаклин Бозержан.

Глядя прямо на меня, брюнет бросил в рот сигарету. А тот, другой, с готовностью поднес к ней зажигалку, по-прежнему тем не менее не спуская с меня глаз.

— Совершенно не понимаю, о чем вы говорите.

Его тон становился уже несколько презрительным, так говорят с бродягами или пьяницами. К нам подошел хозяин кафе, удивленный — или даже испуганный — моим противостоянием с клиентом, который выглядел вполне респектабельным. И все-таки что-то действительно неприятное было в этом лице, этих низко растущих надо лбом черных волосах и даже в тембре хриловатого голоса. Но меня ничего не пугало. Я с детства видел немало странных личностей — в компании моего отца... И этот человек не более странен, чем другие.

— Хочу вам также сказать, что мне вовсе не нужны ваши деньги, — продолжил я, доставая из кармана своей канадки пачку купюр, которую он

передал мне при выходе из клиники Мирабо. Она постоянно была при мне.

— Весьма сожалею, — сухо сказал он, сделав отстраняющий жест. — С меня довольно...

Сказав это, он повернулся к соседу, и они снова вполголоса продолжили свой разговор, теперь уже совершенно игнорируя мое присутствие. Я отошел и сел за столик. Хозяин пристально смотрел на меня из-за стойки, стараясь отвлечь мое внимание. Он покачал головой, словно стараясь дать понять, что я вел себя чересчур дерзко и еще счастливо отделался. Но почему? Хотел бы я это знать!

Вскоре те двое покинули кафе, не удостоив меня ни единым взглядом. Через стекло я еще какое-то время видел их: они пошли вдоль набережной. Не знаю, стоит ли их преследовать... Нет, не будем торопить события. Я уже пожалел, что потерял хладнокровие при встрече с этим человеком. Лучше бы тихо сидел в уголке, не привлекая к себе внимания, дождался, когда они уйдут, и пошел бы за ними. Тогда можно было бы узнать, кто он такой и может ли вывести меня на нее. А теперь случай упущен и, видимо, все мосты сожжены.

Из-за стойки на меня по-прежнему несколько неодобрительно смотрел хозяин.

— Я, должно быть, ошибся, — сказал я. — Не знаете ли вы, как зовут этого господина?

— Сольер, — чуть помедлив, даже как будто с некоторым сожалением, ответил он. И добавил, что мне еще повезло, поскольку Сольер не так уж резко

отреагировал на мое поведение. Причем тут поведение? Среди ночи меня сбил автомобиль, и я просто хочу найти его и установить имя водителя. Разве это не законно с моей стороны? И надеюсь, мне удастся добиться своего!

— Понятно... — улыбнулся хозяин кафе.

— А кто он, собственно, такой, этот Сольер?

Он заулыбался еще шире. Казалось, вопрос его позабавил.

— О, это не ангел... Нет, совсем не ангел! — уклончиво сказал он, и я понял, что больше ничего от него не узнаю.

— Он живет в этом квартале?

— Жил здесь. Но теперь, думаю, больше не живет...

— Не знаете ли вы, он женат?

— На этот счет ничего не могу вам сказать.

Вошли новые клиенты, наш разговор прервался, и больше хозяин уже не обращал на меня внимания. Я был более чем уверен, что он придает какое-то значение тем словам, которыми я только что обменялся с Сольером у него на глазах. Между тем посетители входили и выходили, в зале от их разговоров стоял приглушенный гул. Но иногда вспыхивали и громкие перебранки. Позже, уже ночью, пришлось даже полицию вызывать. Вслушиваясь в гул и гомон и присматриваясь к сновавшим туда-сюда посетителям, я под конец моментами начал различать отдельные лица и даже имена. Но продолжалось это недолго.

Я подумал, что у меня мало шансов увидеть «фиат» припаркованным где-нибудь поблизости. И решил пройти по набережной до того большого гаража, о котором мне говорили. Завидев возле бензоколонки рабочего, я обратился к нему все с тем же вопросом: нет ли среди его клиентуры женщины-блондинки, которая только что попала в аварию и поранила лицо? Она водит «фиат» цвета морской волны. Тот на секунду задумался. Нет, не видел... Ведь столько машин проходит по набережной — это, можно сказать, автострада. А на лица клиентов он вообще не обращает внимания. Очень их много, клиентов. И «фиатов» тоже. А уж блондинок...

Пройдя еще немного, я оказался в садах Трокадеро. Сначала мне подумалось, что я вижу их впервые, но перед зданием Аквариума в моем сознании всплыли какие-то смутные детские воспоминания. Я купил билет, вошел и долго стоял перед стеклом, наблюдая за рыбками. Их фосфоресцирующие расцветки снова о чем-то напомнили. Да, меня сюда приводили! Но когда? На этот

вопрос я не мог точно себе ответить. До Биаррица? Между Биаррицем и Жуи-ан-Жоза? Или сразу после возвращения в Париж, когда я далеко еще не вступил в сознательный возраст? Мне вдруг показалось, что это было в тот же период, когда на выходе из школы меня сбил автомобиль. А потом, в тишине разглядывая рыбок, я почему-то припомнил, как хозяин кафе в ответ на мой вопрос о том, кто же такой этот Сольер, ответил: «Нет, он совсем не ангел...» А я? Однажды в жизни я таки был «ангелочком»*. Я никогда об этом не думал, но сейчас одно воспоминание внезапно возникло передо мной. Сельская церковь, рождественская месса... Я напряг память, и она подсказала: это могло происходить только в Фоссомброн-ла-Форе, там, где находились школа, обитель монахинь и некий доктор Дивуар, о котором мне в справочной сказали только, что он не значится в ежегоднике. Именно та женщина, и никто другой, водила меня и на рождественскую мессу, и в Аквариум в саду Трокадеро! А в кузове грузовичка именно она держала меня за руку, и это ее лицо склонялось надо мной. В безмолвии зала, освещенного лишь отблеском аквариумов, черты стали куда более четкими. И как мы возвращались после богослужения, я тоже вспомнил: шли по какой-то короткой улочке до входа в дом, и кто-то держал

* Игра слов: фр. *enfant de coeur* — певчий (в церковном хоре), невинное дитя, ангелочек.

меня за руку. Тот же самый человек, женщина... И в те же годы я приходил сюда, рассматривал таких же разноцветных рыбок, в тишине сновавших за стеклом. Я бы не очень удивился, если бы услышал шаги у себя за спиной и, обернувшись, увидел бы, что она приближается ко мне, точно все прошедшие годы ничего не значили. Кстати, из Фоссомброн-ла-Форе в Париж мы ездили на таком же автомобиле, как и тот, что сбил меня на площади Пирамид, — на автомобиле цвета морской волны. Он никогда не переставал кружить по улицам ночного Парижа в поисках меня!

Когда я вышел из Аквариума, меня охватило холодом. Аллеи, газоны — повсюду виднелись холмики снега. А небо было прозрачно-голубоватым, словно хрусталь. Мне показалось, будто я впервые в жизни вижу его ясным. Эта голубизна, на фоне которой с необыкновенной четкостью вырисовывался дворец Шайо, это ощущение животворного холода после многих и многих лет бесчувствия... Все, что произошло в ту, другую ночь на площади Пирамид, случилось в самый нужный момент.

Необходим был шок, чтобы вырвать меня из летаргии. Я просто больше не мог блуждать в тумане неизвестности. И вот это происшествие, всего за несколько месяцев до моего совершеннолетия... Какое странное совпадение! Спасение пришло как раз вовремя. Бесспорно, эта ава-

рия — одно из решающих событий моей жизни. Возвращение к нормальному порядку вещей...

Школа, грузовичок с брезентовым верхом... Я впервые обратился к своему прошлому. Для этого нужен был шок несчастного случая. До того я жил одним днем. Точно автомобилист на обледеневшей дороге, которому сообщили, что видимости — никакой и потому следует избегать смотреть назад. Может, ты въезжаешь на очень узкий мост, и дорожный знак указывает: разворот запрещен! Один взгляд в зеркало заднего вида — и головокружение обеспечено. Но с высоты дня нынешнего можно безбоязненно всматриваться в эти сиротские годы. Как если бы не мне, а кому-то другому открылся вид сверху на всю мою жизнь. Или я сам изучал бы на светящемся экране ее рентгенограмму. Все настолько четко, линии такие точные, очищенные от искажений... Оставалась только самая суть: грузовичок с брезентовым тентом, склонившееся надо мной лицо, эфир, рождественское богослужение и обратная дорога к воротам дома, где на первом этаже, в глубине коридора, была ее комната.

На улочке, выходящей на набережную возле моста Бир-Хашем, я заметил отель. На третий день поисков мне уже как-то не хотелось возвращаться к Орлеанским воротам только для того, чтобы лечь спать, и я решил снять номер здесь, в отеле «Фремье». Меня занимало, кто были другие его постояльцы. Комната оказалась куда более комфортабельной, чем моя обитель на улице Вуа-Верт: здесь имелся телефон и даже ванная. Но я вполне мог себе позволить такую роскошь благодаря банкнотам, которые передал мне при выходе из клиники тот, кого называли Сольером и кто ответил отказом, когда я хотел их вернуть. Тем хуже для него. Я был бы поистине идиотом, если бы испытывал угрызения совести. Помимо всего прочего, он ведь еще и «не ангел»...

После ночи, проведенной в новой комнате, я решил вообще больше не возвращаться на улицу Вуа-Верт и перенес сюда свою одежду и коробку цвета морской волны, в которой хранились мои старые бумаги. Хотелось наглядно убедиться в том, что там от меня не останется никакого следа.

Нужно раз и навсегда осознать: того меня больше нет. Эта мысль вовсе не повергала в печаль. Напротив, придавала смелости перед лицом будущего. Точно вериги спали.

Вотелья возвращался поздно, потому что после бесконечных лестниц и перронов метро мне хотелось поужинать в большом зале ресторана возле станции. Я еще и сейчас помню название этого заведения: «Ла Клозери де Пасси». Посетителей здесь бывало немного. Иными вечерами я оказывался в обществе одной лишь хозяйки — коротко стриженной брюнетки, и официанта в белой, как у яхтсмена, куртке. И всякий раз лелеял надежду: а вдруг сюда войдет Жаклин Бозержан? Войдет и направится к бару, как это сделали те двое или трое посетителей, которые сидят сейчас за стойкой и разговаривают с хозяйкой. Я выбирал столик у самого входа, чтобы сразу подняться и направиться к ней. И даже заранее решил, что именно скажу: «Мы вместе попали в аварию на площади Пирамид...» Чтобы меня узнать, ей достаточно будет моего вида — разрезанный мокасин, повязка... В отеле «Фремье» служитель за конторкой долго разглядывал меня, нахмутив брови, потому что на моей канадке все еще виднелось пятно крови. Я почувствовал, что он мне не доверяет, и оплатил номер на две недели вперед.

Но на хозяйку «Ла Клозери» не произвели впечатления ни повязка, ни кровь на старенькой канад-

ке. Наверное, ей пришлось и не такое повидать — в других, менее спокойных, чем этот, кварталах. Рядом с баром в большой желтой клетке расположился попугай. Двенадцать лет спустя, перелистывая старый журнал, на последней странице я наткнулся на рекламу ресторанов. Бросилась в глаза одна из них: «“Ла Клозери де Пасси” и его попугай Пепер. Без выходных». Самая обычная реклама, но у меня заколотилось сердце. Однажды ночью я почувствовал себя настолько одиноким, что решил сесть у стойки бара, рядом с другими посетителями, и заметил, что хозяйка смотрит на меня с некоторым сочувствием — наверное, из-за этой запятнанной канадки, повязки, а может — из-за моей худобы. Она даже посоветовала мне, что выпить. А когда я спросил о попугае, ответила:

— Если хотите, можете научить его какой-нибудь фразе...

Немного подумав, я принялся как можно более четко произносить: «Я ИЩУ АВТОМОБИЛЬ “ФИАТ” ЦВЕТА МОРСКОЙ ВОЛНЫ». Мне не пришлось долго учить его. Он быстро нашел более краткую и энергичную формулировку, начав повторять: «АВТОМОБИЛЬ. “ФИАТ”. МОРСКАЯ ВОЛНА». Голос у него оказался куда более пронзительным и властным, чем мой.

«Ла Клозери де Пасси» больше не существует. Прошлым летом как-то вечером я проезжал там в такси по дороге к бульвару Делессер, и, по-моему,

на его месте располагается теперь банк. Но ведь попугаи живут до глубокой старости... Может быть, и этот бедолага через тридцать лет, где-то в другом квартале Парижа, под гул голосов в другом кафе все еще твердит мою фразу, и никто не может ни толком расслышать, ни понять его. Кто, кроме попугаев, так долго остается верен прошлому?

Я старался насколько возможно дольше растягивать свой ужин в «Ла Клозери де Пасси». Часам к десяти хозяйка и ее друзья усаживались за стол в глубине зала, возле бара и желтой клетки Пепера, и принимались за карты. Однажды вечером хозяйка предложила и мне присоединиться к ним. Но это был час, когда уже следовало продолжить привычный поиск. «ФИАТ» ЦВЕТА МОРСКОЙ ВОЛНЫ. «ФИАТ» ЦВЕТА МОРСКОЙ ВОЛНЫ...

Я подумал, что если буду прочесывать улицы квартала примерно в полночь, то мне, может быть, повезет увидеть этот автомобиль стоящим где-нибудь. В этот час Жаклин Бозержан, конечно, должна уже возвращаться домой. Мне почему-то казалось, что «фиат» цвета морской волны я найду непременно ночью, а никак не днем.

Улицы опустели, дул порывистый ветер. Конечно, было опасение, что полицейский патруль, объезжающий улицы, остановится и спросит у меня документы. Запятнанная кровью куртка, повязка и разрезанный мокасин... Я, несомненно, походил на бродягу. И потом, мне не хватало нескольких месяцев до двадцати одного года, то есть до совершеннолетия. К счастью, ни одна полицей-

ская машина в те ночи не притормозила рядом со мной, чтобы доставить еще одного бродягу в ближайший комиссариат полиции или в одно из стоящих на берегу Сены неосвещенных зданий полицейского подразделения по делам несовершеннолетних.

Я начал с бульвара Альбони. Но увы... Среди припаркованных вдоль каждого тротуара автомашин не оказалось ни одного «фиата» цвета морской волны. Может быть, перед ее домом не было свободного места и, чтобы припарковаться, она сворачивала раньше? Это могло быть и довольно далеко. Если только она не оставляла свою машину в гараже... Совсем рядом, на бульваре Делессер, есть гараж. В одну из ночей я зашел туда. Мужчина, сидевший в глубине помещения за конторкой со стеклянным перегородками, заметил меня издали. Едва я открыл дверь, как он поднялся. Чувствовалось: человек готов дать отпор. Жаль, что на мне в этот момент не было нового пальто. Но стоило заговорить, как он сразу же смягчился. Я объяснил, что ночью меня сбил автомобиль и я почти уверен: водитель живет в этом квартале. Он до сих пор никак не дал о себе знать, и мне хотелось бы установить с ним контакт. Кстати, продолжил я, это не водитель, а водительница. Да-да, сквер Альбони, «фиат» цвета морской волны. У женщины должна быть рана на лице, «фиат» тоже немного пострадал.

Он заглянул в какую-то регистрационную книгу — она в раскрытом виде лежала у него на конторке. Потом принялся медленно листать ее, упревая указательный палец в нижнюю губу. Этот жест живо напомнил мне отца — тот точно так же просматривал свои таинственные бумаги, сидя со мной в «Короне» или «Рю-Универ».

— Вы говорите, «фиат» цвета морской волны?

Он ткнул пальцем в середину страницы и что-то отчеркнул там. У меня бешено заколотилось сердце.

— Да-да, «фиат» цвета морской волны, зарегистрированный на имя... — Мужчина поднял голову от книги и посмотрел на меня с серьезностью врача, обследующего пациента. — Это машина некоего Сольера. Адрес имеется.

— Он живет на бульваре Альбони?

— Нет, вовсе нет, — ответил мой собеседник, нахмутив брови. Видимо, колебался, давать мне адрес или нет.

— Вы сказали, за рулем была женщина. А вы уверены, что это тот самый автомобиль?

Тогда я коротко описал ему события той ночи, рассказал, что Сольер был с нами в полицейской машине, в городской больнице, в клинике Мирабо, а потом снова ждал меня в холле при выходе из клиники. О последней нашей встрече в кафе, когда этот человек сделал вид, что не узнает меня, я решил умолчать.

— Он проживает на авеню Альбер-де-Мюн, дом четыре, — сказал мой собеседник. — Но это не наш клиент. Он пришел к нам в первый раз.

Я спросил, где находится эта улица. Может быть, в районе Трокадеро, возле Аквариума?

— Немного подальше. Это та самая улица, что спускается к набережной. А к нам Сольер приезжал, чтобы сменить ветровое стекло и одну из фар. Но потом кто-то интересовался машиной — еще до того, как ремонт был закончен.

— Сам Сольер?

На этот вопрос он не мог ответить: в тот день отсутствовал, просил поработать товарища. Время от времени мой собеседник бросал взгляд на разрезанный мокасин и повязку.

— Вы хоть жалобу-то подали?

Он задал вопрос каким-то укоризненно-сочувствующим тоном, как тот аптекарь. Но кому предъявлять претензии? Единственный человек, на которого можно пожаловаться, — это я сам. До сих пор я жил беспорядочно. И этот несчастный случай, кажется, поставит точку, положит конец череде смутных, бестолковых лет. Время пришло.

— А мадам Сольер там у вас не значится? Или Жаклин Бозержан?

— В реестре, во всяком случае, ее нет.

— Блондинка со шрамами на лице? Вы никогда не встречали ее в этом квартале?

Он снова пожал плечами:

— Знаете, я же всегда за конторкой. Вижу кого-то, только когда возвращаюсь к себе в Ванве. Вы уверены, что именно она была за рулем?

Да, в этом я не сомневался. Ведь той ночью мы долго сидели рядом на диванчике в гостиничном холле. И только потом тот, кого называют Сольером, подошел к нам и мы вместе сели в полицейский фургон. Это могли бы подтвердить в отеле на площади Пирамид. Там есть свидетель. Но я не нуждаюсь в свидетелях. Мне достаточно отыскать эту женщину, чтобы кое-что выяснить с ней, вот и все.

— Сходите на Альбер-де-Мюн, — посоветовал он. — А если они снова приведут свой «фиат», я вас предупрежу. Как можно с вами связаться?

Я дал ему адрес отеля «Фремье». Во всяком случае, этот человек мне зла не желает. Было что-нибудь около полуночи, и я отправился на Трокадеро. Сольер... Сольер... Всю дорогу я повторял про себя это имя. От отца у меня осталась старая записная книжка. Она должна храниться в той картонной коробке цвета морской волны. Нужно будет посмотреть страничку на букву «С».

Я шел по аллее, ведущей к Аквариуму. Да, авеню Альбер-де-Мюн спускается к Сене чуть-чуть наклонно и тянется вдоль садов Трокадеро. Там, не доходя набережной, стояли два дома, один из них и числился под номером 4. Он выходил на коротенькую улочку углом, а на последнем этаже

был виден балкон. Ни одно окно не светилось. Здание казалось необитаемым. Время от времени по набережной проезжала какая-нибудь машина. Я подошел к застекленной двери, но войти не решился. Учитывая непрезентабельность моей одежды и поздний час, консьерж вполне может вызвать полицию. Но есть ли здесь консьерж? И на каком этаже обитает Сольер? Я стоял на тротуаре со стороны садов и не спускал глаз с фасада. Ведь где-то там, в одной из квартир, мне вскоре предстоит узнать нечто очень важное о моей жизни. Кажется, когда-то в детстве, в послеполуденный час, я уже спускался по этому склону: возвращаясь из Аквариума, приходилось идти вдоль этих садов. Авеню Альбер-де-Мюн, 4. Все-таки надо заглянуть в записную книжку отца, чтобы убедиться, не фигурирует ли на какой-нибудь странице этот адрес. И если да, то что за имя там стоит — Сольера или кого-то еще? А может статься, и деревня Фоссомброн-ла-Форе в книжке упоминается. Тогда я наконец-то узнаю, что же связывает два эти места. Я наверняка не раз ездил из Фоссомброн в Париж на «фиате» цвета морской волны, а может быть, в каком-то другом автомобиле, который Жаклин Бозержан водила раньше. И чем больше я всматривался в белеющий передо мной фасад, тем больше меня охватывало ощущение: все это когда-то уже видел. Оно было ускользающим, как обрывки сна, исчезаю-

щие при пробуждении, или нечто подобное отблеску луны. Там, в комнате у Орлеанских ворот, я и представить себе не мог, что этот квартал и улица Альбер-де-Мюн станут для меня зоной особого притяжения. До сих пор я держался в стороне, на обочине жизни, словно в ожидании чего-то. Еще и сегодня мне часто снится, как я возвращаюсь сюда и блуждаю, точно потерянный, среди громад зданий, опоясывающих Париж. И тщетно пытаюсь отыскать ту, прежнюю комнату, в которой жил до аварии.

...Вот и край набережной. Но и там нет никакого «фиата» цвета морской волны. Я обошел весь квартал. Видимо, ее сейчас здесь нет. А как узнать номер телефона Сольера? Вспомнилось, как он выглядел тогда, в кафе. Люди такого сорта вряд ли фигурируют в ежегодном телефонном справочнике.

Фармацевт из аптеки на улице Ренуар был настолько любезен, что несколько раз менял мне повязку. Он продезинфицировал рану, посоветовал меньше ходить и подобрать на левую ногу что-нибудь более удобное, чем разрезанный мокасин. Каждый раз я обещал последовать его советам, хотя прекрасно знал, что не сменю обувь до тех пор, пока не найду «фиат» цвета морской волны.

Правда, в последующие дни я все же старался меньше ходить и во второй половине дня подолгу отдыхал в своей комнате в отеле «Фремье», размышляя о прошлом и настоящем. И просмотрел телефонный ежегодник, отметив в нем всех абонентов дома номер 4 по улице Альбер-де-Мюн:

Боше Ж. — Пасси 15-51

Трокадеро, финансовая компания по работе
с недвижимостью — Пасси 48-00

Детомб Ж. — Пасси 03-97

Дюпон А. — Пасси 24-35

Мадам Гудвин К. — Пасси 41-48

Грюнберг А. — Пасси 05-00

Мсье Лашлан Ж.В. — Пасси 04-38

И никакого Сольера! Я звонил по каждому из этих номеров, спрашивая о мсье Сольере и мадемуазель Жаклин Бозержан, но их имена, как мне показалось, не вызвали у моих собеседников никакой реакции. Компания «Трокадеро» не отвечала, а ее номер мог оказаться самым нужным.

Записная книжка отца с адресами действительно отыскалась среди моих документов в картонной коробке. Однажды вечером он забыл ее на столике в кафе, где мы встречались, и я положил ее к себе в карман. При наших дальнейших свиданиях он никогда о ней не поминал. Видимо, потеря его не беспокоила, а может быть, ему просто не приходило в голову, что книжку мог взять я. Думаю, все значившиеся там имена не представляли для него интереса уже за несколько месяцев до того, как он исчез, удаляясь в сторону Монруж. На букву «С» никакого Сольера я не нашел, и Фоссомброн-ла-Форе среди адресов тоже отсутствовал.

В бессонные ночи я иногда спрашивал себя, имеют ли смысл мои поиски, почему они меня так захватили? Не наивно ли это с моей стороны? Еще раньше, до того как я стал юношей, у меня было такое ощущение, что я возник ниоткуда. Помню, однажды дождливым вечером в Латинском квартале какой-то бородатый тип, одетый в серый габардиновый плащ, раздавал проспекты. Это был соцопрос молодежи. Вопросы показались мне странными. «Какую структуру семьи вы зна-

ете?» — «Никакой», — ответил я. «Сохранились ли у вас в памяти четкие образы отца и матери?» Очень смутные. «Считаете ли вы себя примерным сыном (дочерью)?» Я никогда не был сыном. «В поисках занятий, которые вы для себя избирали, руководствовались ли вы уважением к родителям и необходимостью соответствовать вашему социальному слою?» Не было ни поисков, ни родителей, ни социального слоя. «Чему вы отдали бы предпочтение: делать революцию или созерцать прекрасный пейзаж?» Созерцать прекрасный пейзаж. «Что вы предпочитаете — глубины страсти или безмятежное счастье?» Безмятежное счастье. «Что вы хотели бы: изменить свою жизнь или вновь обрести утраченную гармонию?» Обрести утраченную гармонию. О последнем я просто мечтал. Но в чем могла состоять эта утраченная гармония? Сейчас, лежа в своей комнате отеля «Фремье», я спрашивал себя, смогу ли я, невзирая на незнание собственных корней и смутное представление о детстве, отыскать точку опоры, нечто внушающее доверие — то, что помогло бы мне встать на ноги? Может быть, есть целый скрытый от меня кусок моей жизни, способный стать твердой почвой посреди зыбучих песков? И мне почему-то казалось, что «фиат» цвета морской волны и та, что была за рулем, помогут открыть его.

В эти ночи сон не шел ко мне. Я даже хотел попросить у фармацевта флакончик того голубого ночного эфира, который так хорошо на меня действовал. Но я сдерживал себя. Сейчас не время расслабляться. Нужно сохранять ясность мысли. В бессонные ночи больше всего я сожалел о тех книгах, которые остались в комнате на улице Вуа-Верт. А в этом квартале книжных лавок очень мало. Первая попалась мне только возле самой площади Этуаль. Я купил несколько детективов и потрепанный томик под интригующим названием «Космические чудеса». К моему немалому удивлению, до детективов дело не дошло. Едва раскрыв зачитанный томик этих самых «Чудес», на первой странице которого стоял гриф «Вечерние чтения», я сразу понял — это как раз то, что мне нужно. Небесные туманности. Млечный Путь. Звездные миры. Созвездия Севера. Знаки зодиака, далекие вселенные... Незаметно переходя от одной главы к другой, я постепенно как-то позабыл, почему я лежу на этой кровати, в этой комнате, в этом отеле. Забыл даже, где я, в какой

стране, в каком городе — ничто больше не имело значения. Ни лекарства, ни эфир, ни морфин, ни опиум не принесли бы мне того умиротворения, которое мало-помалу охватывало меня, стоило только перевернуть страницу. Давно следовало бы обратиться к вечерним чтениям. Это избавило бы меня от напрасных мук и тревожных ночей. Млечный Путь. Звездные миры... В конце концов мой горизонт расширился до беспредельности, и невероятным наслаждением было видеть вдалеке или даже угадывать все эти бесконечно разнообразие звезды — ныне существующие, угасшие или исчезнувшие. Я ощущал себя ничтожной пылинкой безграничной Вселенной, но я мог наконец-то дышать свободно.

Стало ли это результатом чтения? Ночью, когда я прогуливался в том квартале, чувство полноты жизни не оставляло меня. Никакой тревоги — я словно освободился от душившего меня панциря. Совершенно исчезла боль в ноге. Повязка ослабла и висела поверх обуви. Рана зарубцевалась. А квартал принял абсолютно другой вид, он выглядел совершенно иным, чем в тот раз, когда я впервые туда попал. В течение нескольких ночей небо было абсолютно прозрачным и на нем блистало такое множество звезд, какого я никогда раньше не видывал. Или до сих пор я просто не обращал на них внимания? Но теперь я прочитал «Космические чудеса». Ноги сами часто несли

меня на эспланаду Трокадеро. Там, по крайней мере, вольно дышалось. Это пространство, пересеченное теперь широкими проспектами, за Сеной соединялось с садами, бесконечными лестницами и переходами, напоминающими проселочные дороги. Свет уличных фонарей становился все ослепительнее. Удивительно, но вдоль тротуаров не видно припаркованных автомобилей. Да, все эти авеню совершенно пустынные, и будет легко еще издали заметить «фиат» цвета морской волны. Должно быть, автомобилистам уже несколько ночей запрещено стоять в этом месте. Видимо, решено, что квартал станет тем, что теперь называют «голубой зоной». И я был здесь единственным пешеходом. Может, установлен комендантский час и людям возбраняется выходить после одиннадцати вечера? Но меня это совершенно не волновало, точно в кармане моей канадки лежал пропуск, защищающий от любых полицейских проверок. Однажды ночью я заметил собаку: она сопровождала меня от моста Альма до Трокадеро. Черная и точно такой же породы, как та, которую задавили во времена моего детства. Я шел по правой стороне улицы. Собака сперва держалась метрах в двенадцати, но постепенно приближалась. И когда я достиг ограды садов Гальера, мы пошли уже рядом. Не помню где, я читал — наверное, это было подстрочное примечание на какой-то странице

«Космических чудес», — что в некоторые часы ночи можно перенестись в параллельный мир: такое случается в большой квартире, где не горит свет, или даже на тупиковой улочке. И там вы вдруг обнаружите то, что неизвестно куда запропастилось давным-давно: какой-нибудь амулет, письмо, зонтик, ключ и даже кошек, собак или лошадей, которых вы потеряли в прошлой вашей жизни. Увидев собаку, я подумал: это же та самая, которой я лишился на улице Доктор-Кюрзен!

На ней был красный кожаный ошейник с медальоном, и, наклонившись поближе, я разглядел выгравированный на нем номер телефона. Видимо, потому ее и не решились отправить в приют для бездомных животных. Вот так и я всегда носил во внутреннем кармане каналки старый, просроченный паспорт, где подделал дату своего рождения, чтобы «состарить» себя и считаться достигнувшим совершеннолетия — двадцати одного года. Но уже несколько ночей я больше не испытывал страха перед полицейскими проверками. Чтение «Космических чудес» поистине укрепило мой дух. Отныне я смотрел на вещи как бы с высоты птичьего полета.

...Собака обогнала меня. Сначала она то и дело поворачивала голову, чтобы удостовериться, иду ли я следом. А потом пошла размеренным шагом, не оглядываясь. Видно, уже не сомневалась в моем присутствии. Я двигался в ее темпе, медленно.

Ничто не нарушало тишины. Казалось, можно было услышать, как между камнями брусчатки прорастает трава. Времени больше не существовало. Без сомнения, это было то самое, что Бувьер называл «вечным возвращением». Фасады домов, деревья, сияние фонарей обретали никогда прежде не виданную стереоскопичность. Когда я вышел на эспланаду Трокадеро, собака на миг заколебалась, как будто хотела подсказать, что нужно идти прямо. А потом, похоже, решила покинуть меня. Я долго смотрел на простирающиеся внизу сады, фосфоресцирующую воду большого бассейна, дома вдоль набережной по ту сторону Сены и вокруг Марсова поля и думал об отце. Там, внизу, мне виделась его фигура — вот он в какой-нибудь комнате или даже в кафе, один сидит за столиком до самого закрытия, просматривая в свете неоновых ламп свои записи. Может быть, мне когда-нибудь удастся найти их? Ведь время изменило свое течение — потому что эта собака и явилась из глубин прошлого, из времен улицы Доктор-Кюрзен. Я видел, как она удаляется, точно не может больше оставаться со мной, и понимал: свидание вот-вот закончится. Ладно, тогда я пойду по ее следам. Она шла вдоль фасада Музея человека и вышла на улицу Винез. Я никогда здесь не бывал. И если собака меня сюда привела, то это неслучайно. Возникло ощущение, что я у цели, возвратился в знакомые места.

Между тем окна домов были темны, приходилось двигаться в полумраке. Я приблизился к собаке, боясь потерять ее из виду. Вокруг нас стояла полная тишина, можно было услышать звук собственных шагов. Улица поворачивала почти под прямым углом, и я подумал, что она должна вывести меня к «Ла Клозери де Пасси», где в этот час старый попугай в желтой клетке тщетно повторяет: «“Фиат” цвета морской волны, “фиат” цвета морской волны...», а хозяйка и ее друзья играют в карты. Повернув за угол, я увидел, что вывеска не светится. Ресторан, вернее — бар, закрыт. Ведь сегодня воскресенье. Странно он все-таки расположен — эта кричащая, светлого дерева витрина и такая же вывеска были бы уместнее на Елисейских Полях или на площади Пигаль.

Я на минуту остановился и попытался разобрать надпись над входной дверью: «Ночной полет». Потом посмотрел вперед, поискал взглядом собаку, но никого не увидел. Я ускорил шаг, чтобы догнать ее. Но она исчезла совершенно бесследно. Тогда я побежал и остановился на перекрестке у бульвара Делессер. Фонари горели так ярко, что хотелось зажмуриться. Собаки не было видно ни на горизонте, ни на тротуаре возле бульвара, ни на другой стороне, ни передо мной — у маленькой станции метро, ни на ступенях, ведущих к Сене. В белом, как бывает

на севере полярной ночью, свете черную собаку я заметил бы издалека. Но она исчезла. Я снова испытывал привычное ощущение пустоты, позабытое на несколько дней благодаря умиротворяющему чтению «Космических чудес». Жаль, что я не запомнил выгравированный на ошейнике номер телефона...

Спалось мне той ночью плохо. Все снилась и снилась собака, явившаяся из прошлого, чтобы снова исчезнуть. Но утром настроение поправилось: по крайней мере, ни ей, ни мне ничто теперь не угрожает. Никакая машина нас больше не переедет.

Еще не было семи, но одно из кафе уже открылось — то самое, на набережной, где я встретил Сольера. На этот раз я нащупал в кармане канадки старую записную книжку. У меня в карманах всегда что-нибудь лежит: томик «Космических чудес», мишленовская карта Луар-и-Шер...

Я уселся за ближайший к оконному проему столик. За стеклом, по ту сторону моста, один за другим проносились поезда метро. Я принялся перелистывать книжечку. Имена были записаны чернилами разного цвета: синими, черными, фиолетовыми. Фиолетовые записи выглядели самыми старыми и отличались наиболее четким почерком. Некоторые из них отец подчеркнул. К немалому своему удивлению, я заметил довольно много имен, против которых стояли названия улиц того

самого квартала, где я теперь находился. Чтобы сохранить книжку в целости, я переписал их:

Иван Шапошникофф, 1, авеню Поль-Думер —
Клебер 73-46

Ги де Вуазэн, 23, улица Ренуар — Жасмэн 33-18

Ник де Морголи, 14, бульвар Альбони —

Трокадеро 65-81

Тодди Вернер, 28, улица Шеффэр — Пасси 90-90

Мари Черньшефф, 30, набережная Пасси —

Жасмэн 64-76.

И еще раз набережная Пасси, 30, Алексис Мутафоло — Отейль 70-66...

После полудня я из любопытства наведался по некоторым из этих адресов. Всюду одни и те же светлые фасады, застекленные проемы окон и большие балконы — как на авеню Альбер-де-Мюн, 4. Я подумал, что это дома из тех, о которых говорят «с современным комфортом». Их отличительные особенности — теплый пол, мраморная плитка вместо паркета, раздвижные двери. Такое ощущение, что ты на борту лайнера в открытом море, только лайнер неподвижен. А за претенциозной роскошью — ничего, пустота.

Зимой в необитаемых комнатах даже электричество отключают. Я знал, что мой отец во времена молодости нередко квартировал в домах такого типа и ухитрялся не платить за жилье. Он был из

числа «пассажиров» — тех мимолетных постояльцев, которые нигде надолго не задерживаются, никогда не регистрируются и не оставляют после себя никаких следов. Потом стоит большого труда доказать, что они вообще существовали. И бесполезно пытаться получить о них точные сведения: номера телефонов или какие-нибудь другие координаты. Вот почему той ночью на авеню Альберде-Мюн я слегка впал в уныние. Если даже и проникнуть за массивную дверь, это ни к чему не приведет. Данное обстоятельство меня и сдерживало — гораздо более, чем опасение быть принятым за праздношатающегося. Я вел свой поиск на улицах, где все было обманом зрения. Затея вдруг представилась мне столь же тщетной, как попытка какого-нибудь геометра создать кадастр пустоты. А может, отыскать эту таинственную Жаклин Бозержан — вообще задача свыше моих сил?

Помню, в ту ночь я отложил «Космические чудеса» на середине главы, рассказывающей о южных созвездиях. Вышел из отеля и не оставил администратору ключа от комнаты, поскольку за стойкой он отсутствовал. Мне нужно было купить пачку сигарет. Единственный еще открытый табачный киоск находился на площади Трокадеро.

Пройдя по лестницам, я вышел на набережную и, проходя мимо небольшой автостоянки, подумал: вдруг я сейчас услышу попугая из «Ла Клозери», повторяющего своим скрипучим голосом: «“Фиат” цвета морской волны, “фиат” цвета морской волны...» Витрина еще светилась, там, видимо, заканчивали партию в карты. Воздух показался мне удивительно теплым для зимней ночи. А ведь несколько дней подряд шел снег, он и сейчас еще отдельными пятнами лежит в садах перед Музеем человека. Пока я покупал сигареты в большом кафе, за столиками на веранде появилась группа туристов. Оттуда доносились взрывы хохота. Странно, что они расположились не в зале, а заняли наружные столики. На мгновение у меня даже голова закружилась: да

не перепутал ли я времена года? Нет, деревья на площади стоят голые, и ждать наступления лета предстоит еще долго. Я столько месяцев бродил в пелене, сотканной из холода и тумана, что мне уже не верилось, что в один прекрасный день она рассеется. Понежиться на солнышке, потягивая через соломинку оранжад — неужели это значит требовать от жизни слишком много?

Я еще немного задержался на эспланаде, вдыхая свежий воздух. И все думал о черной собаке, которая сквозь годы пришла ко мне из той, другой ночи, чтобы соединить меня с далеким прошлым. Глупо, что я не запомнил номер телефона на ее ошейнике... Как и той ночью, я вышел на улицу Винеz. Как и тогда, здесь царил полумрак. Наверное, сбой в электросети... И вдруг впереди обозначилась светящаяся вывеска какого-то бара или ресторана, но свет был так слаб, что едва-едва позволял различить темную глыбу автомобиля, припаркованного как раз перед поворотом улицы. Я подошел ближе и тотчас испытал толчок в сердце: передо мной стоял «фиат» цвета морской волны! Но, по правде сказать, это меня не так уж удивило: в сущности, я никогда не терял надежды отыскать его. Просто нужно проявить выдержку, вот и все, а запасы терпения я ощущал в себе огромные. Пусть идет дождь, пусть падает снег — я готов часами ждать на улице.

Бампер и крыло автомобиля были повреждены. В Париже, без сомнения, не так уж мало

«фиатов» цвета морской волны, но этот явно носил на себе следы аварии. Я достал из кармана канадки свой паспорт, в нем был заложен листок, который Сольер заставил меня подписать. Да, у машины именно тот самый номер!

Я заглянул внутрь. На заднем сиденье лежал рюкзак. Можно вставить записочку между ветровым стеклом и дворником, указать свое имя и адрес отеля «Фремье».

Но мне хотелось полной ясности, и немедленно. Толкнув дверь светлого дерева, я вошел в зал. Свет бра падал на стойку бара, оставляя в полумраке несколько столиков, расположенных вдоль стен. Но я их прекрасно помнил: они задрапированы красным, довольно-таки потертым бархатом, кое-где он был даже порван. Все говорило о том, что заведение знавало лучшие времена, но они давно миновали, и никто уже сюда больше не ходит. Кроме меня... На миг мне даже показалось, что я пришел после закрытия кафе. Перед стойкой бара сидела только женщина в темно-коричневом пальто. Молодой человек с внешностью жокея приводил в порядок столы.

— Что вам угодно? — спросил он, смерив меня пристальным взглядом.

Слишком долго объяснять! Я прошел к бару, но вместо того, чтобы усесться на табурет, остановился за спиной женщины и положил руку ей на плечо. Она вздрогнула от неожиданности и, обер-

нувшись, бросила на меня удивленный взгляд. На лбу у нее, как раз над бровью, виднелась заметная ссадина.

— Вы Жаклин Бозержан? — спросил я, и звук собственного голоса показался мне таким отчужденным, как будто кто-то другой, а не я, задал этот вопрос. Она молча разглядывала меня. Потом, опустив глаза, задержала взгляд на пятне на моей канадке и перевела его на мокасин, откуда выглядывала повязка. — Мы уже встречались... Площадь Пирамид...

Мой голос показался мне еще более отрешенным и еще более чужим. Я по-прежнему стоял у нее за спиной.

— Да...да... Отлично помню... Площадь Пирамид... — Не отводя глаз, она улыбнулась мне чуть насмешливой улыбкой, точно такой же, как в ту, другую ночь, в полицейском фургоне. — Мы могли бы присесть...

Она указала на ближайший к бару столик, с которого еще не сняли белую скатерть. Мы сели лицом друг к другу. Она поставила на скатерть свой стакан. Я попытался угадать, что там за напиток.

— Вам тоже хорошо бы чего-нибудь выпить. Чтобы подкрепиться... Вы очень бледны... — Она произнесла это так, как будто хотела придать своим словам особую значимость, и в голосе ее прозвучала ласка. До сих пор со мной никто еще так не раз-

говаривал. Я смутился. — Возьмите «Маргариту», как у меня.

Жокей принес мне коктейль и исчез за остекленной дверью позади бара.

— Я не знала, что вы уже вышли из клиники. Меня несколько недель не было в Париже. Я собиралась справиться о вас...

Мне казалось, что вокруг очень темно, словно сумрак многих и многих десятилетий, которые мы провели друг без друга, сгустился в этом зальчике, где сейчас мы сидим с ней лицом к лицу. Но это та темнота, что окружает вас в кабинете окулиста, который постепенно меняет перед вашими глазами стекла разных диоптрий, чтобы вы наконец смогли ясно разобрать все буквы на светящемся в отдалении экране.

— Вы ведь должны были гораздо дольше оставаться в больнице... Вы что — сбежали? — И она снова улыбнулась мне. Дольше? Я не понял. Буквы на экране все еще расплывались.

— Мне сказали, что я должен уйти. И господин Сольер меня разыскал.

Это, похоже, ее удивило. Она пожала плечами.

— Вот как? Он мне ничего не говорил... Думаю, он вас боялся.

Боялся меня? Никогда не мог себе представить, что могу внушать кому-либо страх.

— Или, скорее, вы показались ему странным. Он не привык иметь дело с такими людьми...

Она выглядела несколько смущенной, и я не решился спросить, в чем же именно состояла моя странность в глазах этого самого Сольера.

— Я два или три раза приходила к вам в клинику. Но, к сожалению, всегда в тот момент, когда вы спали...

И никто не сказал мне о ее визитах! Вдруг меня пронзило сомнение:

— А долго я был в этой клинике?

— Десять дней. Это была идея Сольера отправить вас туда. В вашем состоянии нельзя было оставаться в городской больнице.

— Но почему?

— Они решили, что вы приняли какой-то яд.

Три последних слова она подчеркнула. И опять я подумал: нет, никогда прежде мне не приходилось слышать, чтобы о моей персоне говорили столь мягко и ласково. Тембр ее голоса действовал так же умиротворяюще, как чтение «Космических чудес». Я не отрывал взгляда от довольно заметной царапины, пересекавшей ее лоб прямо над бровями. Эти светлые глаза, каштановые волосы, ниспадающие на плечи, поднятый воротник ее манти... Наверное, из-за позднего часа и полумрака вокруг она показалась мне точно такой же, как тогда, другой ночью — в полицейском автомобиле. Она провела указательным пальцем по шраму над бровями и снова чуть лукаво улыбнулась:

— Не слишком ли для первого свидания?.. — И молча посмотрела мне прямо в глаза, будто

хотела угадать, о чем я думаю. И такого внимания к себе мне тоже ни от кого встречать не доводилось. — Мне кажется, вы намеренно решили выйти на площадь Пирамид в отчаянную минуту.

Нет, такого намерения точно не было. Я всегда сопротивлялся помрачению рассудка. Никогда я не смог бы шагнуть в пустоту с высоты моста или из окна. А уж броситься под машину, как она предположила... В последний момент желание жить оказывалась сильнее.

— Я думаю, вы были тогда в не совсем обычном состоянии...

Она снова скользнула взглядом по моей канадке и разрезанному мокасину на левой ноге. Я только что переменял повязку, но все равно выглядел не очень-то привлекательно. Нужно извиниться за свой вид. Да, следовало бы поторопиться принять нормальный человеческий облик.

— Вам просто нужно сменить канадку и, пожалуй, обувь, — спокойно ответила она.

Я все больше проникался доверием к ней и даже признался, что все последние недели пытался ее разыскать. Это совсем не легко, когда знаешь только название улицы, но без номера дома. Рассказал и о том, как прочесывал весь квартал и окрестности в поисках «фиата» цвета морской волны.

— Цвета морской волны?

Мне показалось, это ее заинтриговало. Но почему — ведь именно этот цвет фигурировал в каждой строчке того акта, который Сольер дал мне подписать. Акт? Она совершенно не в курсе дела. Листок по-прежнему лежал во внутреннем кармане моей канадки, и я показал его. Она читала, нахмутив брови.

— Это меня не удивляет. Он всегда отличался подозрительностью.

— И еще вручил мне некоторую сумму денег...

— Да, он щедрый человек.

Мне очень хотелось точно знать, какие отношения существуют между ней и Сольером.

— Вы живете на бульваре Альбони?

— Нет. Это адрес одной из контор Сольера.

Всякий раз она произносила его имя с некоторым почтением.

— Тогда на авеню Альбер-де-Мюн? — продолжал допытываться я, сгорая от стыда, что уподобляюсь сыщику, который задает вопрос за вопросом, не дожидаясь ответа, только для того, чтобы отвлечь внимание.

— Это один из апартаментов мсье Сольера.

Мои вопросы ее нимало не обескураживали.

— Но как вы узнали адрес?

Я рассказал, что встретил Сольера на другой день в кафе и он сделал вид, будто не узнает меня.

— Вы знаете, он очень недоверчив. И всегда подозревает, что люди от него чего-то хотят. У него несколько адвокатов...

— Это ваш патрон? — спросил я и тут же пожалел, что задал этот вопрос.

— Я работаю у него два года, — спокойным голосом, точно речь шла о чем-то самом обыкновенном, ответила она. Наверное, так оно и было. Зачем искать тайну там, где ее нет? — В ту ночь у меня была назначена встреча с мсье Сольером на площади Пирамид, в холле отеля «Регина». И когда я подъезжала, произошла наша... авария, несчастный случай...

Она чуть запнулась на последних словах и посмотрела на мою левую руку. Когда автомобиль меня сбил, я ободрал ее об асфальт. Ссадина уже почти зажила, я ее даже не перевязывал.

— Значит, Сольер, если я правильно понял, появился как раз в нужный момент?

Вспомнилось, как он подошел к нам в ту ночь: вальяжная походка, темное пальто, наверное, еще и сигарета, зажатая в уголке рта. А этой девушке он назначил свидание в холле отеля... У меня ведь тоже бывали подобные свидания. Разве не так я встречался со своим отцом в холлах каких-нибудь гостиниц, как две капли воды похожих одна на другую? Все там выглядело поддельным — мрамор, люстры, деревянные панели стен и претендующие на элегантность канапе. Чувствуешь себя случайным гостем, кем-то вроде транзитного пассажира, попавшего в зал ожидания между двумя поездами, или как в комиссариате полиции перед допросом.

— Мне кажется, он не ангел, — сказал я.

— Кто?

— Сольер.

Впервые она выглядела по-настоящему смущенной.

— Чем же все-таки он занимается?

— Так...разными делами.

Она опустила голову, как будто опасалась, что ответ может шокировать меня.

— А вы его секретарь?

— Да, если хотите. Но я работаю неполный день...

Здесь, при свете бра, она выглядела моложе, чем тогда, в полицейском автомобиле. В ту ночь ее, конечно, старило меховое манто. И вообще, после пережитого шока мое восприятие нельзя считать вполне адекватным. Например, она показалась мне блондинкой.

— Эта работа не слишком сложная? — Мне хотелось знать решительно все. Время поджимало. Видимо, ресторан вот-вот закроют.

— Я училась на медсестру, когда приехала в Париж.

Она говорила все быстрее и быстрее, как будто торопилась побольше мне объяснить.

— А потом... работала... домашней сиделкой... И встретила мсье Сольера...

Я больше не слушал. Только спросил, сколько ей лет. Двадцать шесть. Она лишь немного старше

меня. Но тогда маловероятно, что она — та самая женщина из Фоссомброн-ла-Форе. Я попытался вызвать в памяти лицо той женщины или девушки, которая поднялась в грузовичок и взяла меня за руку.

— В детстве со мной уже был несчастный случай, похожий на этот. Я выходил из школы...

И по мере того как я это рассказывал, я тоже говорил все быстрее и быстрее, слова набегали одно на другое. Мы походили на людей, которым позволили на несколько минут встретиться в тюрьме, в комнате свиданий, и у них слишком мало времени, чтобы все сказать друг другу.

— Мне показалось, что та девушка из грузовичка — это вы...

Она рассмеялась.

— Но это невозможно... Мне тогда было двенадцать лет...

Эпизод из моего детства... лицо той, которая, несомненно, меня любила... неужели все это опять останется невыясненным и должно кануть в Лету теперь уже навсегда?

— Есть такое местечко... Фоссомброн-ла-Форе... доктор Дивауар...

Мне показалось, что я произнес это совсем тихо, про себя.

— О, знаю, — откликнулась она. — Это же в Солони, а я там родилась.

Я достал из кармана канадки мишленовскую карту Луар-и-Шер — она уже несколько дней там

лежала — и расстелил ее на скатерти. Девушка выглядела взволнованной.

— Где вы родились?

— Ла Версан...

Я склонился над картой. Но свет бра был слишком слаб, чтобы разглядеть названия всех деревушек, набранные очень мелким шрифтом. Она тоже наклонилась к карте, и наши головы почти соприкоснулись.

— Попробуйте найти Блуа, — сказала она. — Чуть правее увидите Шамбор, ниже — Булонский лес, Брасье, и справа — Ла Версан.

Благодаря зеленому пятну леса я легко сориентировался.

— Как вы думаете, Фоссомброн далеко?

— Двадцать километров...

Открывая эту карту в первый раз, я должен был подчеркнуть название Фоссомброн красным. Но теперь я не мог найти своей пометки.

— Это на дороге в Милансей, — подсказала она.

Я принялся разыскивать дорогу на Милансей и наконец-то разобрал все названия деревень: Фонтен-ан-Солонь, Монжирон, Маршеваль...

— Если это вас так занимает, я могла бы как-нибудь на днях с вами там побывать, — произнесла она, не сводя с меня слегка удивленного взгляда. Я опять склонился над картой.

— Нужно хотя бы отметить дорогу, которая ведет из Ла Версан в Фоссомброн.

Когда я вновь прошелся взглядом вдоль департаментских дорог, то случайно наткнулся на Ле Плесси, Трефонтен, Буазардьер-ла-Вьорн... И в самом конце небольшой извилистой дороги прочел: «Фоссомброн-ла-Форе».

— А не отправиться ли нам туда этой же ночью?

Она задумалась всего на мгновенье, словно мое предложение показалось ей вполне естественным.

— Только не сейчас. Я слишком устала...

Я ответил, что пошутил, но сам не вполне был в этом уверен. Я не мог оторвать глаз от названий деревушек, лесов, водоемов. Мне хотелось раствориться в этом краю. К тому времени я уже понимал, что человек, у которого нет «своего» края, незащищен, лишен чего-то очень важного. Своего рода инвалид... Я задумался над этим еще совсем юным, в Париже, когда погибла моя собака, а я даже не знал, где она похоронена. У меня не было моего луга. Моей деревни. Моего родного края. Даже сада — пусть совсем крохотного, но моего. Я сложил карту и поглубже засунул ее в карман.

— Вы живете вместе с Сольером?

— Да нет же! Просто присматриваю за офисами и занимаюсь его квартирой, когда он уезжает из Парижа. Он много ездит по своим делам...

Странно, мой отец тоже много разъезжал по делам... И, несмотря на все наши свидания в холлах отелей или все более отдаленных от центра

кафе, я не понимал, о каких именно делах идет речь. Таких же, как у Сольера?

— Вы часто бываете в этом кафе?

— Нет... совсем не часто... Просто оно закрывается гораздо позже других в этом квартале...

Я заметил, что здесь не так-то много клиентов, но она сказала, что они появляются позже, уже ночью. Странные клиенты... И все-таки, сколько я помню это заведение, оно всегда выглядело закрытым. У меня даже было такое ощущение, что и она, и я попали сюда этой ночью в нарушение принятого порядка. И вот мы сидим вдвоем, глаза в глаза, я слышу приглушенную музыку, такую, под которую танцуют, когда город на военном положении, а комендантский час уже наступил... Танцуют, чтобы тайком насладиться краткими мгновениями незаконного счастья.

— Вам не кажется, что наша первая встреча была слишком мимолетной? Не следовало бы нам теперь познакомиться поближе?

Она произнесла эту фразу очень нежным голосом, но дикция у нее была удивительно четкая и ясная. Я читал, что самым безупречным французским произношением отличаются уроженцы Турени. Но, слушая Жаклин, решил, что, скорее, это нужно отнести к Солони, к тому краю, где расположены Ла Версан и Фоссомброн-ла-Форе. Она накрыла своей ладонью мою руку — левую, ту, где рана почти затянулась, так что повязка была уже не нужна.

Дымка на улице рассеялась. Под луной поблескивали кузова автомобилей. Я спрашивал себя, не миражи все происходящее? Или, может быть, все дело в алкоголе? И даже постучал по капоту, чтобы окончательно удостовериться, что все это мне не снится.

— Нужно бы мне как-то отремонтироваться, — сказала она, указывая на поврежденные бампер и крыло. Я вспомнил о гараже, в котором меня навели на след ее автомобиля.

— Не доставляйте себе лишних хлопот из-за таких пустяков. Она стоит у меня дома уже три недели... Это в Пятнадцатом округе, бульвар Леон-Гийо, 2...

Оказывается, мы живем совсем рядом: Орлеанские ворота, ворота Ванве. Значит, есть некоторая вероятность, что будем встречаться в том районе. Это во многом упрощает дело. Мы принадлежим к одному миру...

Я уселся на капот.

— О, прекрасно! Если вы едете в Пятнадцатый округ, то и меня доставите домой.

Нет, сегодня ночью она должна ночевать в апартаментах Сольера, на Альбер-де-Мюн, чтобы

квартира не пустовала в его отсутствие. А сам Сольер уехал по делам в Женеву и потом в Мадрид.

— Я правильно понимаю, что у вас обязанности охранника и ночного сторожа?

— Да, если угодно.

Она открыла правую дверцу, приглашая садиться. После многих дней и ночей, которые я провел в блужданиях по кварталу, ее предложение показалось мне вполне естественным. Ведь я столько раз уже переживал это мгновение в мечтах!

На улице вдруг резко похолодало, и внезапный этот холод сообщил блеск и сияние всему, что нас окружало: белому свету фонарей, красным сигнальным огням, фасадам новых зданий. Мне казалось, я слышу в тишине чью-то размеренную поступь. Кто-то — или что-то? — приближается к нам...

Она сжала мне руку, совсем как той ночью в полицейской машине. И спросила:

— Вы теперь лучше себя чувствуете?

При свете луны площадь Трокадеро выглядела более внушительной и пустынной, чем обычно. Мы очень долго пересекали ее, и эта медлительность рождала ощущение блаженства. Я был уверен, что если посмотреть сейчас на темные окна, взгляд мой пронзит тьму, как если бы он обрел свойства инфракрасных и ультрафиолетовых лучей. Но в этом не было необходимости. Достаточно было взглянуть на склон, по которому я прошлой ночью поднимался вместе со своей собакой.

— Я ведь тоже пыталась вас найти, но в клинике не знали вашего адреса. Париж большой... Нужно быть внимательнее... Таким, как мы, можно просто затеряться...

После дворца Шайо она свернула направо, и мы поехали вдоль зданий, которые походили на необитаемые. Впрочем, я уже не знал, в каком городе нахожусь. Может статься, все обитатели его покинули — это не имело теперь ровно никакого значения. Я больше не одинок в этом мире! Склон становился круче и спускался к самой Сене. Я узнал авеню Альбер-де-Мюн, сад вокруг Аквариума и белый фасад здания. Она остановилась перед входом.

— Вы должны посмотреть квартиру. Это на последнем этаже... Там большой балкон и вид на весь Париж.

— А если Сольер неожиданно вернется?

Всякий раз, когда я произносил это имя, мне хотелось рассмеяться — он стал для меня призраком. Просто какой-то тип в темном пальто в полицейской машине, а потом в холле клиники и в кафе на набережной. И что еще о нем сказать? Интуиция говорила мне, что человек этот — одного поля ягода с моим отцом, как и все те, кого я иногда наблюдал в его окружении. О таких людях никогда ничего толком не известно. А если захочешь узнать, придется поинтересоваться полицейскими рапортами, представленными на сей счет.

И хотя подобные документы пишутся четким и ясным языком, они тем не менее часто противоречат друг другу. Да и к чему? За последнее время столько всего свалилось на мою бедную голову, а уж эта авария стала для меня таким событием...

— Не бойтесь. Он не может вернуться в ближайшее время. Но даже если и вернется... Поверьте, это не злой человек. — И она снова рассмеялась.

— Он давно здесь живет?

— Не могу точно сказать. — Мне показалось, что она снова слегка, по-доброму, посмеивается надо мной. Я сказал, что его имя не значится в ежегодном справочнике по адресу Альбер-де-Мюн. — Да это безумие — пытаться найти о нем что-нибудь достоверное... Прежде всего, на самом деле он не Сольер. Это имя он просто использует в повседневной жизни...

— А вы знаете настоящее?

— Моравски.

Имя показалось мне знакомым, хотя я и не мог вспомнить почему. Может, оно встречалось в записной книжке моего отца?

— Но даже если знать его имя, о нем ничего в ежегоднике не найти. Вы полагаете, что это и в самом деле так уж важно?

Она права. У меня больше не было никакого желания рыться в справочнике.

Я помню, что мы немного прошлись по аллеям сада, прогулялись вокруг Аквариума. Мне так хотелось подышать вольным воздухом. Обычно я жил в состоянии, которое можно назвать контролируемой асфиксией. Или, точнее, просто привык вдыхать воздух малыми глотками, точно следовало экономить кислород. Если вы боитесь удушья, главное — не поддаться охватывающей вас панике. Нет, нужно продолжать вдыхать воздух совсем крошечными ритмичными порциями и твердо знать, что вы освободитесь от сжимающей ваши легкие смиренной рубашки или она сама малопомалу рассыплется в прах.

Но этой ночью, в саду, я впервые дышал полной грудью после долгих лет, начиная с Фоссомбронла-Форе, того периода моей жизни, которого я не помнил.

Мы подошли к Аквариуму. В полумраке здание едва угадывалось. Я спросил, бывала ли она здесь. Нет, никогда.

— О, тогда я свожу вас туда на днях...

Восхитительно строить такие планы! Она взяла меня за руку, и я представил нас возле всех этих

разноцветных рыб, в темноте и тишине спящих за стеклами аквариумов. Нога у меня еще болела, и я слегка прихрамывал. Но и у нее тоже оставалась царапина на лбу. А что ожидает нас впереди? — спрашивал я себя. И постоянно испытывал такое ощущение, что мы уже проходили вместе с ней по этим аллеям, в тот же час, только в какие-то другие времена. Я не очень хорошо представлял, в какой точке мы сейчас находимся. Но это была уже почти вершина холма. Над нами высилась темная масса одного из крыльев дворца Шайо. Или, скорее, это походило на большой отель зимнего спортивного курорта в Энгадине. Никогда еще я не дышал таким холодным и одновременно удивительно нежным воздухом. Он буквально ласкал легкие бархатной свежестью. Да, мы, видимо, находимся на горе, на самой высокой вершине.

— Вам не холодно? — спросила она, придерживая рукой поднятый воротник пальто. — Мы могли бы вернуться...

Вернуться... Но куда? Я колебался несколько секунд. Разумеется, в тот дом в конце улицы, спустившейся к Сене. Я спросил, давно ли она там живет. Около месяца...

— А Моравски?

— О, его все это время не было в Париже...

И снова это имя показалось мне знакомым. Может, я слышал его от своего отца? Я подумал еще о том типе, что однажды звонил мне из отеля

«Палим» и чей голос так нечетко звучал из-за помех на телефонной линии. Ги Руссот... У нас была общая контора с вашим отцом, сказал он тогда... Руссот... Моравски... У него тоже, наверное, какая-нибудь контора. Все они что-то там делают в своих конторах... Я спросил, что же ее связывало с этим Моравски, которого в обычной жизни зовут Сольером.

— Я хотел бы знать о нем больше. Мне кажется, вы что-то от меня скрываете.

— Да нет же, мне нечего скрывать. Поверь, жизнь гораздо проще, когда о ней не задумываешься...

В первый раз я услышал от нее «ты»... Мы шли вдоль здания Аквариума, и она сжимала мою руку. Воздух был все так же холоден, и дышалось по-прежнему легко. Прежде чем пересечь улицу, я остановился на кромке тротуара — рассматривал автомобиль перед домом. Другим вечером, когда я бродил здесь один, здание показалось мне необитаемым, а улица пустынной — такой пустынной, словно по ней вообще никто никогда не ходил и ходить больше не будет.

Она снова сказала, что там огромный балкон, откуда виден весь Париж. Лифт медленно поднимался. Ее рука легла мне на плечо, и она шепнула мне на ухо одно слово. Всего одно слово... Реле отключилось, и над нами не было больше ничего, кроме робкого лучика ночной подсветки.

Модиано П.

- М74** Однажды ночью: роман / Патрик Модиано; пер. с фр., предисл. Л. Зиминной. — Москва: Текст, 2015. — 158[2] с.

ISBN 978-5-7516-1301-3

Патрик Модиано (р. 1945) — лауреат Нобелевской премии по литературе 2014 года, и без него французская проза немыслима. Модиано один из лучших романистов современности. Его тон всегда узнаваем — приглушенный, сдержанный, чуждый пафоса, проникновенный. Роман «Однажды ночью» — очередная дверь в мир его книг, в особое, сотканное писательским даром Модиано пространство Парижа. Блуждая по парижским улицам в поисках девушки, чье лицо мелькнуло перед ним в ночь автомобильной аварии и которая так похожа на образы его детства, герой следует за нитью воспоминаний и пытается сшить разрозненные лоскуты своей жизни.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)

Патрик Моднано
ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ
РОМАН

Редактор О. Поляк
Корректор Т. Калинина
Оформление К. Баласановой

Подписано в печать 10. 11.15. Формат 70 x 100/32.
Усл. печ. л. 6,5. Тираж 5000 экз. Изд. № 1251.
Заказ № 14227.

Издательство «Текст»
127299 Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 7
Тел./факс: (499) 150-04-82
E-mail: text@textpubl.ru; www.textpubl.ru

Отпечатано в типографии ООО «ТДДС-Столица-8»
Тел.: (495) 363-48-86
<http://capitalpress.ru>

